

Coping Responses During the COVID-19 Pandemic: A Cross-Cultural Comparison of Russia, Kyrgyzstan, and Peru

Ivan A. Voronin^{a*}, Denisse Manrique-Millones^b, Georgy M. Vasin^c, Rosa Bertha Millones-Rivalles^d, Oscar Manrique-Pino^e, Nataly Fernández-Ríos^f, Yulia A. Marakshina^{a,c}, Marina M. Lobaskova^{a,c}, Elvira E. Symanyuk^g, Anna A. Pecherkina^g, Irina A. Ageeva^h, Irina A. Lysenkova^h, Victoria I. Ismatullina^{a,c}, Maria A. Sitnikova^c, Sergey B. Malykh^{a,c}

^a *Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia*

^b *Universidad de San Martín de Porres, Lima, Perú*

^c *Center of Interdisciplinary Research in Education of Russian Academy of Education, Moscow, Russia*

^d *Universidad de Lima, Lima, Perú*

^e *Universidad Católica Sedes Sapientiae, Lima, Perú*

^f *Universidad Nacional de San Agustín de Arequipa, Arequipa, Perú*

^g *Ural Federal University, Institute of Humanities, Yekaterinburg, Russia*

^h *Kyrgyz Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan*

* Corresponding author. E-mail: ivan.a.voronin@gmail.com

Background. The COVID-19 pandemic has subjected people around the world to severe stress, evoking a variety of coping responses. Coping responses can be broadly classified into four strategies: 1) problem-focused coping; 2) emotion-focused coping; 3) socially supported coping; and 4) avoidance. While there is

a wide variability of individual coping responses, to some extent they are also culturally specific.

Objective. This study aimed to compare the differences in the prevalence and factor structure of coping responses during COVID-19 pandemic in three countries: Russia, Kyrgyzstan, and Peru.

Keywords: coping behavior; coping strategies; COPE; cross-cultural differences; factor structure.

I. A. Voronin, D. Manrique-Millones, G. M. Vasin et al.

Design. The sample included 501 participants from Russia, 456 participants from Kyrgyzstan, and 354 participants from Peru. The mean age of participants was 28 years in Russia ($SD=13.5$); 24 years in Kyrgyzstan ($SD=10.0$); and 30 years in Peru ($SD=12.3$). In Russia and Kyrgyzstan, coping strategies were assessed with an abbreviated Russian adaptation of the COPE (Coping Orientations to Problems Experienced) questionnaire. In Peru, coping responses were assessed using the Spanish version of the Brief COPE questionnaire. The average scores from seven COPE scales were used as the input data for linear modelling and factor analysis.

Results. The coping scores varied substantially within each country.

Differences between countries accounted for 17.7% of the total variability in religious coping; 15.8% in acceptance; 13.9% in mental disengagement; and less than 7% in the other coping strategies. No difference in the prevalence of coping responses was found between Russian and Kyrgyz participants after accounting for age and gender. In all three countries the coping responses were associated with the same four coping domains: problem-focused coping, socially supported coping, avoidance, and emotion-focused coping. Four factors explained up to 44% of the total variation in the COPE scores. Religious coping and mental disengagement were classified into different coping domains in the three countries.

Conclusion. The results suggest that during the COVID-19 pandemic, people from different countries apply the full range of coping responses within the four universal coping strategies. Religious coping and mental disengagement differed the most across the countries, suggesting that some coping behaviors can take on different roles within the system of coping responses to stressful events. We attribute these differences to differing cultural and socioeconomic

c
h
a
r
a
c
t
e
r
i
s
t
i
c
s
,
a
n
d

t
h
e

d
i
f
f
e
r
e
n
t

m
e
a
s
u
r
e
s

t
a
k
e
n

b
y

governments in response to COVID-19.

Introduction

The COVID-19 pandemic has affected many aspects of people's day-to-day lives. The measures initiated by societies around the world to combat the spread of the virus have included obligatory home confinement and social distancing. The common sources of fear during the pandemic are: risk of infection of self and significant others; shortage of supplies; healthcare collapse; loss of income; global societal and financial crises; and the undetermined duration of quarantine (Brooks et al., 2020; Mertens et al., 2020). The circumstances of the COVID-19 pandemic have led to a notable increase in individual anxiety, depression, and other symptoms of distress (Xie et al., 2020; Zacher & Rudolph, 2020). It is therefore important to document a variety of coping responses that can allow people to overcome the stresses of the pandemic.

Coping refers to a range of behavioral and cognitive mechanisms (strategies) intended to deal with stress. To a great extent, modern understanding of coping responses follows the model proposed by R.S.Lazarus and S.Folkman (Biggs et al., 2017; Lazarus & Folkman, 1984). at model portrays a coping response as an interaction between a person and his/her environment, as guided by a personal ap-praisal of the stress being experienced, and involving the mobilization of personal resources.

Lazarus and Folkman (1984) identified two distinct methods of coping:

- 1) *problem-focused coping*, which aims to directly manage the source of stress, and 2) *emotion-focused coping*, which aims to regulate the emotions arising as a result of stressful events or situations. Later classifications extended this taxonomy by adding *avoidant coping* (resorting to distracting activities or denying the source of stress), and *socially supported coping* (resorting to advice, help, or emotional support from others) (Baumstarck et al., 2017; Carver et al., 1989; Litman, 2006).

The most commonly used questionnaire to measure coping behaviors is COPE,

as developed by C.S. Carver (Carver et al., 1989). e COPE questionnaire measures 15 coping strategies:

1. *Acceptance*—submitting to the reality of the situation;
2. *Active coping*—active or direct actions to overcome a stressful situation;
3. *Behavioral disengagement*—refusal to actively deal with the stress;
4. *Denial*—refusing to believe in what happened or attempting to deny its reality;
5. Seeking *emotional support*—looking for empathy and understanding from others;
6. *Humor*—making jokes and laughing about the situation;
7. Seeking *instrumental support*—asking others for advice, help, or information;

8. *Methodical description of the selection process* — en g a g i n

- g in activities to get dis - tracted from unpleasant thoughts associated with the problem, daydream-ing, sleeping;
9. *Planning*— thinking about how to deal with a difficult life situation, devel - oping strategies for action;
 10. *Positive reinterpretation*— reappraising a stressful situation in a positive way;
 11. *Religion*— appealing to the help of God, faith, religion, or meditation;
 12. *Restraint*— keeping oneself from carrying out inconsiderate actions in re - sponse to the stress (not present in Brief COPE);
 13. *Substance use*— using alcohol, drugs, or medications to get distracted from a stressful situation;
 14. *Suppression of competing activities*— putting aside activities that do not help solve the problem (not present in Brief COPE);
 15. *Venting*— expressing negative emotions.

e original COPE questionnaire included four items for each coping scale, thus 60 items in total. Later, a short version (Brief COPE) was developed that in-cluded 13 original scales: acceptance; active coping; behavioral disengagement; de-nial; emotional support; humor; instrumental support; self-distraction (originally mental disengagement); planning; positive reframing (originally positive reinter-pretation); religion; substance use; and venting. It also added a self-blame scale (criticizing oneself for responsibility in the situation) (Carver, 1997).

Brief COPE included two items for each coping scale, for 28 items in total. e COPE questionnaire became the most frequently used tool to assess coping strate-gies, having been used in 20% of all published research on coping between 2000 and 2013, including studies on coping with health issues, interpersonal stress, work stress, and caregiving (Kato, 2015).

Coping strategies have been studied all around the world. e occurrence and the structure of broad coping dimensions proved to be subject to cross-cultural dif-ferences, since culture both informs and limits eective approaches to overcoming stress (Sica et al., 1997). For example, in a study of stress coping in university stu-dents, Asian students were more likely to attempt religious coping than European students (Chai et al., 2012). Another study compared coping behaviors of Mexican citizens in the United States with Mexican-Americans and non-Hispanic citizens of the United States (Farley et al., 2005). Compared to other groups, Mexican citizens were less likely to engage in substance use or self-distraction, and more likely to use denial and religious coping. With regard to social support, Asian and Asian Ameri-can individuals proved to be more reluctant to explicitly ask for support from oth-ers than European Americans (Kim et al., 2008).

Likewise, factor analysis of COPE and Brief COPE items and scales yielded heterogeneous results across dierent populations. For example, a three-factor structure was found in a Spanish sample using COPE:

e
n
g
a
g
e
m
e
n
t
,
d
i
s
e
n
g
a
g
e
-
m
e
n
t
,
a
n
d

h
e
l
p
-
s
e
e
k
i
n
g

(Gutiérrez et al., 2007). Four and ve factors were found in French samples using Brief COPE: social support, problem solving, avoidance, and positive thinking (Baumstarck et al., 2017); and problem solving, support seek-ing, avoidance, cognitive restructuring, and distraction (Doron et al., 2014). ree factors were found using the Brazilian-Portuguese version of Brief COPE: religion and positive reframing, distraction, and external support (Brasileiro et al., 2016). Religious coping proved to be one of the most uid strategies in terms of its rela - tionship with other coping responses (Krägeloh, 2011).

A handful of research papers have addressed the individual dierences in coping responses during the COVID-19 pandemic in dierent countries. e cultural nature of coping responses is noticeable in relation to the appraisal of the risk of the disease. A study in Vietnam showed that the perception of risk from COVID-19 was associated with social media usage and geography (Huynh, 2020). In Europe and United States, the fear of COVID -19 was positively asso-ciated with information intake from regular and social media, and was driven primarily by fear for loved ones and health anxiety (Mertens et al., 2020). A study in Germany showed that people used a full range of coping strategies in response to the COVID-19 pandemic (Zacher & Rudolph, 2020). Problem-focused, emo-tion-focused, and socially supported strategies predicted higher levels of life sat - isfaction and positive aect in this study, and avoidant coping predicted higher levels of negative aect.

On the other hand, both problem-focused and avoidant coping predicted less anxiety, sleep problems, and cognitive alterations in response to home connement in children and adolescents from Italy, Spain, and Portugal (Orgilés et al., 2020). e authors found that the most frequently used coping strategies in all three countries were 1) accepting the reality of connement; 2) engaging in social activities;

3) ignoring the events or acting as if nothing is happening; and 4) highlighting the positive aspects of staying at home. However, dierences in coping responses were also discovered: Portuguese children more frequently reacted with humor; Spanish children more frequently collaborated with social activities, sought comfort from others, or acted as if nothing had happened; and Italian children more frequently seemed unworried.

e present study aims to extend the evidence on coping responses during the COVID-19 pandemic in dierent cultural and socio-economic contexts. We use data on coping strategies measured by the Russian and Spanish versions of the COPE questionnaire to 1) compare the occurrence of coping responses, and

2) describe the broad dimensions of coping strategies in three countries: Russia, Kyrgyzstan, and Peru.

Methods

Participants from Russia (mean age 28 years, 76% female), 456 participants from Kyrgyzstan (mean age 24 years, 85% female) and 354 participants from Peru (mean age 30 years, 63% female).

The data from Russia and Kyrgyzstan were collected as a part of a larger study that aimed to explore the psychological impact of the COVID-19 pandemic on students and teachers in regular schools, colleges, and universities. University students constituted a large majority of the Russian and Kyrgyz samples (69% and 83% respectively). The other participants from Russia and Kyrgyzstan were university and school teachers. Likewise, the Peruvian data came from a larger study that aimed to explore the associations between metacognitions, coping strategies, and mental health during the COVID-19 pandemic. In total, 53% of participants from Peru were university students. University students were on average younger than other participants, with lower variability of age in all three countries. A detailed account of sample characteristics is presented in Table 1.

The research projects in Russia and Kyrgyzstan received ethical approval from the corresponding institutional boards. Participants were eligible if they were over 18 years. They were informed about the anonymous and confidential nature of the research and gave informed consent before proceeding to fill out the questionnaire. Participation was voluntary and could be withdrawn by a participant at any moment without further explanation.

Responses were collected through an online survey. In Russia and Kyrgyzstan, participants were recruited by their educational organizations, which distributed the link to the online survey (Nikulchev et al., 2019, 2020). In Peru, the link to the survey was disseminated by the authors by an email invitation or through social media platforms (Facebook, WhatsApp, LinkedIn, etc.).

The Russian and Kyrgyz data were collected between May 11 and June 5, 2020.

Peruvian data were collected between April 14 and June 5, 2020.

Table 1

Sample summary

Country/group	n	Age, years				Gender, %		
		M	SD	min	max	Male	Female	N/A
Russia								
All	501	28.0	13.5	18	73	22.2	76.0	1.8
University student	348	20.2	2.5	18	37	22.4	75.6	2.0
University teacher	153	45.7	11.6	25	73	21.6	77.1	1.3
Kyrgyzstan								

All
University student
University teacher
School teacher
Peru
All
University student
Other

M
a
t
e
r
i
a
s
s
e
s
s

c
o
p
i
n
g

b
e
h
a
v
i
o
r
s

in Russia and Kyrgyzstan, we developed an abbreviated version of the COPE questionnaire (60 items, Carver et al., 1989) which had been adapted for Russian speakers by Rasskazova, Gordeeva, and Osin (2013). The Russian COPE questionnaire was abbreviated to meet time constraints in data collection in Russia and Kyrgyzstan. The items with the lowest factor loadings in Rasskazova et al. (2013) were omitted; the abbreviated version of the Russian COPE included 32 items from 14 COPE scales (the restraint scale was omitted entirely). Each scale was represented by 1 to 4 items. To assess coping behaviors in Peru, we used the Spanish adaptation of Brief COPE (Carver, 1997; Morán et al., 2010). The Spanish adaptation of Brief COPE included 28 items from 14 Brief COPE scales. Each scale was represented by two items. The number of items in each scale and their reliability are reported in *Table 2*.

Participants from Russia and Kyrgyzstan were asked to rate how often they used the ways of coping described by the COPE items. The stressor event was not overtly specified; however, since the preceding questionnaire in the battery referred to the participants' personal experience of COVID-19, we suggest that the responses to COPE were guided by this context. The participants were provided with four options: "I never do this," "I do this a little," "I do this quite a lot," and "I do this very often." The responses were recorded as integers in a range from 1 to 4.

Participants from Peru were asked to rate their coping behaviors in response to lockdown. They responded by rating each item by an integer in a range of 0 to 3, where 0="I never do this," 1="I do this a little," 2="I do this a lot," and 3="I do

this always." To make the responses comparable across the three countries, we re-labeled the responses to correspond to a range of 1 to 4 and computed an average score for each original COPE scale as a sum of item scores, divided by the number of items in the scale.

Table 2

Reliabilities of COPE questionnaires used in the study

COPE scale	Russian COPE (32 items)			Spanish Brief COPE (28 items)	
	N items	alpha (Russia)	alpha (Kyrgyzstan)	N items	alpha (Peru)
Acceptance	4	0.846	0.765	2	0.508
Active coping	2	0.519	0.473	2	0.714
Behavioral disengagement	2	0.315	0.488	2	0.609

Denial
Emotional suppression
Humor
Instrumental support
Mental disengagement
Self-distraction
Planning
Positive reinterpretation/
reframing
Religion
Substance use
Suppression of competing activities
Venting
Self-blame

N

o

t

e

.

C

O

P

E

-

3

2

i

s

an abbreviated Russian adaptation of the original COPE (Rasskazova et al., 2013). COPE-28 is a Spanish adaptation of Brief COPE (Moran et al., 2010). α =Cronbach's α

Analysis

To compare coping behaviors across the three countries, we computed descriptive statistics (mean and standard deviations) for each COPE scale in each country. We applied a set of independent linear models to assess which part of the variability of COPE scores was accounted for by country (main predictor), and which by age, gender, and gender-by-country interaction (control variables). An interaction was included in the model to account for the uneven distribution of male and female participants across countries. We estimated marginal means in groups by gender, country, and gender-by-country, and performed pairwise post hoc comparisons by gender and country (Tukey's honestly significant difference test). To account for multiple testing, we adjusted significance thresholds by the number of models (15).

Taking into account the high heterogeneity of the broad coping dimensions across the populations, we chose to perform exploratory factor analysis to compare the factor structure of coping in all three countries. Guided by the scree plots, we extracted four factors using the minimum residual method with oblimin rotation. Factor loadings under 0.25 were not considered. Each COPE score was assigned to the factor on which it loaded the highest, except acceptance in Peru, which loaded to an equal extent on three factors and was assigned to the factor of emotion-focused coping (see Results section and *Table 4c*).

The data analysis was executed in R, using the packages "emmeans" for estimated marginal means, and "psych" for factor analysis.

Results

Coping Frequency of COPE Responses Across the Three Countries

The summary statistics for the COPE scale scores are reported in *Table 3*. The most frequently reported coping behaviors were acceptance, active coping, planning, and positive reinterpretation, rated at the level of three points ("I do this quite a lot") in all three countries. The least frequently used coping behaviors in all countries were substance use, denial, behavioral disengagement, and religion, rated between one and two points ("I never do this" and "I do this a little"), except for religion in Peru. Peruvian participants scored religion well above two points (2.45). Another scale with low average score was self-blame, which rated about two points in Peru and was unavailable in the two other countries. The other COPE scales, such as emotional support, humor, instrumental support, mental disengagement, suppression of competing activities, and venting, yielded

s (“I do this a little” and “I do this quite a lot”).

The full model that included age, gender, country, and gender-by-country interaction explained under 20% of the total variability of the COPE scores. The model explained the least of the variability of instrumental support (2%) and most of the variability of religion (19.7%). The differences associated with age and gender of participants were under 5% of the total variability, with the least for mental disengagement (0.3%) and the most for venting (4.7%). Age differences were found for six COPE scales: older participants reported higher active coping ($\beta=0.006$), planning ($\beta=0.010$), religion ($\beta=0.009$), and suppression of competing activities ($\beta=0.007$), and lower mental disengagement ($\beta=-0.005$) and venting ($\beta=-0.006$), compared to younger participants. Gender differences were found for seven COPE scales: compared to male participants, female participants reported higher humor and self-blame, and lower denial, emotional support, instrumental support, religion, and venting (the marginal means are available from the corresponding author by request). The degree of cross-cultural differences was captured by the variance by country after taking into account the age and gender of participants. *Figure 1* shows the estimated marginal means of COPE scores in the three countries. Across the countries, participants differed the most in religion (17.7%), acceptance (15.8%), and mental disengagement (13.9%). For the other scales, the degree of differences across countries was under 7%. Compared to Russia and Kyrgyzstan, participants from Peru scored lower on behavioral disengagement, substance use, and venting, and higher on acceptance and mental disengagement. These scores did not differ between participants from Russia and Kyrgyzstan. Participants from Kyrgyzstan scored higher in denial than participants from Russia and Peru. The religion scores differed across all three countries: participants from Russia had the lowest score, participants from Kyrgyzstan had an intermediate score, and participants from Peru had the highest score.

Table 3

Descriptive statistics for COPE scales in the three countries

Scale	Russia		Kyrgyzstan		Peru	
	<u>M</u>	<u>SD</u>	<u>M</u>	<u>SD</u>	<u>M</u>	<u>SD</u>
Acceptance	2.90	0.64	2.75	0.64	3.41	0.53
Active coping	2.96	0.59	2.88	0.62	3.15	0.66
Behavioral disengagement	2.00	0.68	2.02	0.66	1.74	0.65
Denial	1.73	0.72	2.02	0.75	1.56	0.73
Emotional support	2.56	0.81	2.43	0.86	2.34	0.81
Humor	2.36	0.83	2.30	0.84	2.14	0.92
Instrumental support	2.37	0.84	2.34	0.83	2.35	0.78
Mental disengagement	2.42	0.59	2.41	0.60	2.94	0.70
Planning	2.98	0.68	2.95	0.72	3.02	0.62
Positive reinterpretation	2.81	0.81	2.82	0.82	3.00	0.70
Religion	1.49	0.72	2.03	0.98	2.45	0.97

Substance use
Suppression
activities
Venting
Self-blame

N
o
t
e
.
M
=
m
e
a
n

s
c
o
r
e
,
S
D
=
s
t
a
n
d
a
r
d
d
e
v
i
a
t
i
o
n

e

s
t

statistically significant contribution of gender-by-country interaction was found for acceptance, suppression of competing activities, and venting scores. Female participants from Peru scored higher on acceptance than male participants, but no difference between male and female participants was found in Russia and Kyrgyzstan. Female participants from Kyrgyzstan scored higher on suppression of competing activities, but no difference between male and female participants was found in Russia (there was no data from Peru for this COPE scale). Male participants from Russia and Kyrgyzstan scored higher in venting than female participants, but no difference between male and female participants was found in Peru. Overall, the interaction accounted for at most 1.4% of total variability of COPE scores. A detailed account of the differences between the groups by country and gender is available upon request.

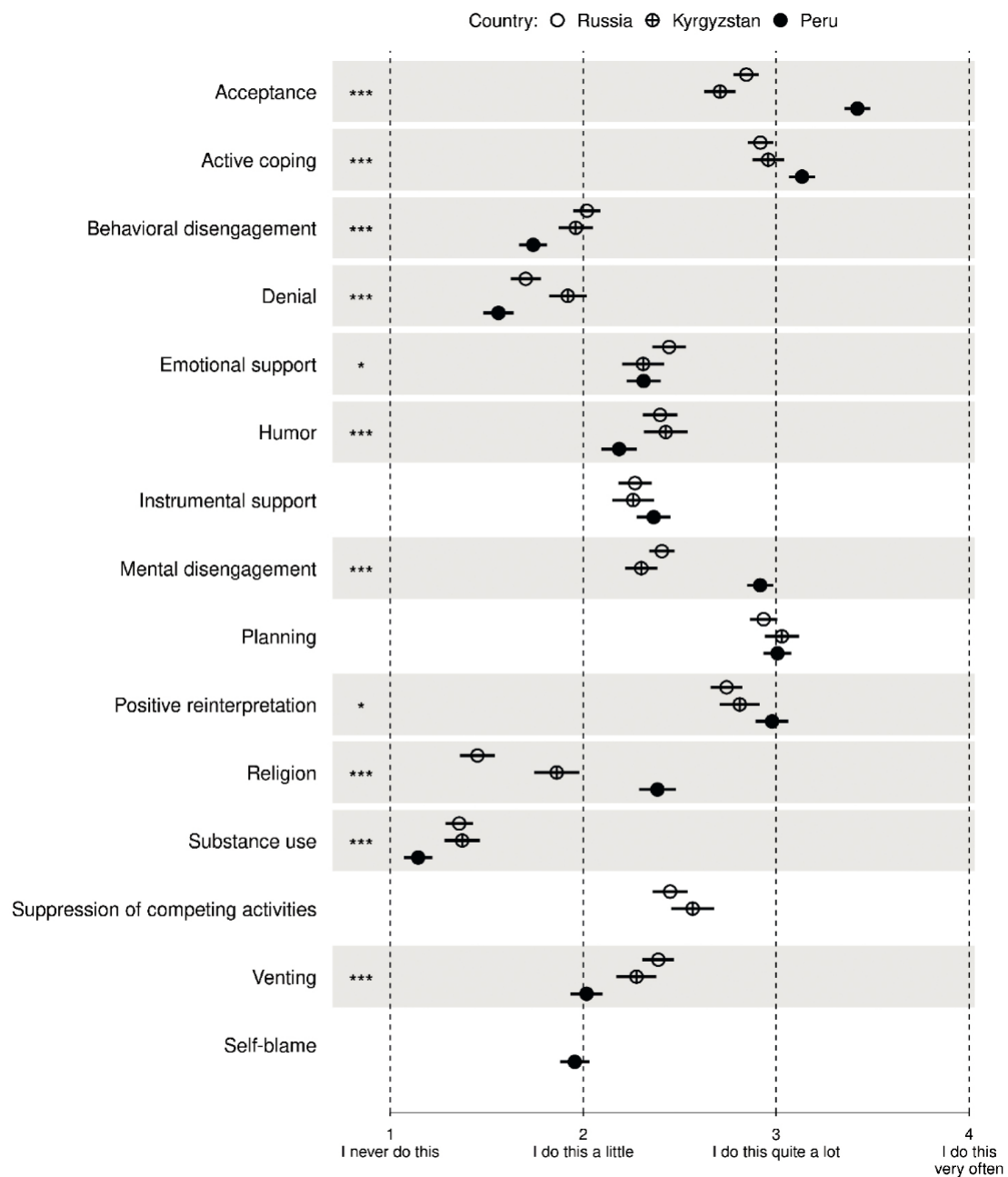

Figure 1. Estimated marginal means of COPE scores in Russia, Kyrgyzstan and Peru

Note. Error bars show 95% condence intervals. Asterisks mark the statistical signicance of country term: * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$. All thresholds were Bonferroni-adjusted by the number of models (15).

e Factor Structure of COPE Responses

e exploratory factor analysis of the COPE scores revealed that four factors explained 41.4% of the total variance in Russia, 40.8% in Kyrgyzstan, and 44% in Peru (Table 4). These four factors were problem-focused coping (F1), socially supported coping (F2), avoidant coping (F3), and emotion-focused coping (F4). All COPE scores loaded on at least one factor, except religion in Russia and substance use in Kyrgyzstan.

Problem-focused coping (F1) included active coping and planning in all three countries. In Russia and Kyrgyzstan, it was also associated with suppression of competing activities. In Peru, this factor included positive reinterpretation but not suppression of competing activities. In Kyrgyzstan, the factor of problem-focused coping (F1) was loaded negatively by behavioral disengagement.

The key variables for *socially supported coping (F2)* were emotional and instrumental support, which loaded on this factor in all three countries. In Russia and Kyrgyzstan, but not in Peru, this factor also included venting. In Peru, the factor of socially supported coping (F2) included emotional support, instrumental support, mental disengagement, and religion.

Denial was a key variable for *avoidant coping (F3)* in all three countries. In Russia, the avoidant coping factor also included mental disengagement, behavioral disengagement, and substance use. Similarly, in Peru this factor included behavioral disengagement and substance use as well as venting and self-blame. In Kyrgyzstan, avoidant coping (F3) included denial and religion.

Emotion-focused coping (F4) included humor and acceptance in all three countries; although, in Peru, acceptance loaded equally on the factors of problem-focused, avoidant, and emotion-focused coping. In Russia, this factor was also associated with positive reinterpretation; in Kyrgyzstan, with positive reinterpretation and mental disengagement.

The inter-factor correlations were similar in the Russian and Kyrgyz samples, ranging between 0.13 and 0.35, with the exception of the smaller correlations between avoidant coping (F3) and emotion-focused coping (F4) [0.03 in Russia and 0.06 in Kyrgyzstan]. Problem-focused coping (F1) correlated positively with socially supported coping (F2) [$r=0.267$ and 0.205] and emotion-focused coping (F4) [$r=0.348$ and 0.247] in Russia and Kyrgyzstan, respectively.

The avoidant coping (F3) correlated negatively with problem-focused coping (F1) [$r=-0.181$ and -0.154], but positively with socially supported coping (F2) [$r=0.354$ and 0.304].

In the Peruvian sample, the inter-factor correlations were all positive and ranged between 0.01 and 0.33. Socially supported coping (F2) was positively associated with the factors of problem-focused coping (F1) [$r=0.326$], and avoidant coping (F3) [$r=0.246$]. The factor of emotion-focused coping (F4) was associated with the same two factors with weaker effect sizes [$r=0.113$ and 0.162 for F1 and F3, respectively]. Two correlations were robust across all three samples: problem-focused with socially supported coping (F1 and F2), and socially supported with avoidant coping (F2 and F3).

Exploratory factor analysis of COPE scales in three countries

(a) *Russia*

factor/item	F1	F2	F3	F4
<i>F1— Problem-focused coping</i>				
Active coping	0.836			
Planning	0.683			
Suppression of competing activities	0.538			
<i>F2— Socially-supported coping</i>				
Emotional support		0.864		
Instrumental support		0.760		
Venting		0.493		
<i>F3— Avoidant coping</i>				
Mental disengagement			0.587	
Denial			0.563	
Behavioral disengagement	-0.318		0.411	
Substance use			0.255	
<i>F4— Emotion-focused coping</i>				
Humor				0.636
Positive reinterpretation	0.272			0.522
Acceptance				0.393
Religion*				
Expl. var. (%)	13.5	12.4	7.8	7.7

Note. e loadings under 0.25 were ltered out.

**is scale was not related to any of the factors.*

(b) *Kyrgyzstan*

factor/item	F1	F2	F3	F4
<i>F1— Problem-focused coping</i>				
Planning	0.735			
Active coping	0.660			
Suppression of competing activities	0.355			
Behavioral disengagement	-0.446			
<i>F2— Socially supported coping</i>				
Emotional support		0.836		
Instrumental support		0.788		
Venting		0.553		

<i>F3— Avoidant coping</i>				
Denial			0.879	
Religion			0.359	
<i>F4— Emotion-focused coping</i>				
Humor				0.569
Acceptance				0.556
Positive reinterpretation	0.389			0.425
Mental disengagement				0.365
Substance use*				
Expl. var. (%)	11.8	13.4	7.7	7.9

Note. *e* loadings under 0.25 were ltered out.

*is scale was not related to any of the factors.

(c) Peru

factor/item	F1	F2	F3	F4
<i>F1— Problem-focused coping</i>				
Active coping	0.775			
Planning	0.773			
Positive reinterpretation	0.385			
<i>F2— Socially supported coping</i>				
Emotional support		0.996		
Instrumental support		0.472		
Mental disengagement		0.363		
Religion		0.297		
<i>F3— Avoidant coping</i>				
Denial			0.800	
Venting			0.548	0.274
Self-blame			0.467	0.307
Behavioral disengagement			0.364	
Substance use			0.257	
<i>F4— Emotion-focused coping</i>				
Humor				0.603
Acceptance*	0.436		-0.347	0.381
Expl. var. (%)	13.4	11.8	11.7	7.1

Note. *e* loadings under 0.25 were ltered out.

*is scale was assigned to the factor of emotion-focused coping despite the fact that it was also associated with problem-focused and avoidant coping to the similar extent.

Discussion

We used data from Russia, Kyrgyzstan, and Peru to study cross-cultural differences in the prevalence and factor structure of coping strategies, as measured by Russian and Spanish adaptations of the COPE questionnaire. The scores on 15 COPE scales were used for cross-cultural comparison. Our results suggest that cross-cultural differences account for at most 20% of individual differences in coping responses, with religious coping, acceptance, and mental disengagement having the most variability across countries. Multiple coping responses were associated with the age and gender of the participants, with an overall effect under 5%. The four broad coping strategies—problem-focused, emotion-focused, socially supported, and avoidant—were reproduced in all three countries. At the same time, some coping behaviors were classified into different categories in different countries; for example, religious coping was classified as a socially supported strategy in Peru, and an avoidant-coping strategy in Kyrgyzstan. It was not classified into any strategic category in Russia.

Variability of coping behaviors within and between countries

We observed the full range of responses on every item of the COPE questionnaire, as well as a wide variability of COPE scores in all three countries. The difference between countries, including gender-by-country interaction, explained up to 18% of the variability of COPE scores, with a higher explained percentage of variance for religious coping (17.7%), acceptance (15.8%), and mental disengagement (13.9%). Other coping behaviors revealed almost no difference between countries, such as planning (0.5%), seeking emotional and instrumental support (1.1% and 1.0% respectively), suppression of competing activities (1.1%), and positive reinterpretation (1.3%).

The most prominent cross-cultural differences were observed in religious coping, which was the most common in Peru, less common in Kyrgyzstan, and the least common in Russia. We suggest that the high prevalence of religious coping in Peru can be explained by the fact that the Catholicism that is practiced by a majority of the Peruvian population (Instituto Nacional de Estadística e Informática, 2017) presents itself as a panacea for all worries, and it is a common practice in Peru to pray for relief from hardship and distress. In contrast, the religious practices of the Orthodox church, which is dominant in Russia (Pew Research Center, 2017) and Islam, which is dominant in Kyrgyzstan (Central Intelligence Agency, 2020), involve more of paying respect and devotion to spiritual beliefs and less of asking for support (Werth, 2011). However, religious coping is a complex construct that includes a variety of motivations and behaviors (Abu-Raiya & Pargament, 2015); the data from the COPE questionnaire do not allow drawing more detailed conclusions about the nature of the differences in religious coping that we observed.

Noticeable cross-cultural differences were found for coping by acceptance and coping by mental disengagement, both of which were higher in Peru than in Russia and Kyrgyzstan. In Peru, acceptance was the most used coping response, with over 90% of Peruvian participants reporting that they had accepted the reality of the lockdown and had been learning to live with it. Acceptance and distraction were considered as relatively effective strategies for coping with unavoidable stress.

sources, such as acute or chronic pain and other health problems (Esteve et al., 2007; Kohl et al., 2013; Tamres et al., 2002).

We suggest that the critical trends in the COVID-19 infection and fatality rate, together with a strict lockdown, triggered a spike in the acceptance and disengagement coping responses in Peru. By the end of May 2020, when most of the data collection had been finished in all three countries, Peru had 148,285 confirmed cases and 4,230 deaths of COVID-19 per population of 33 million inhabitants (a fatality rate of 2.9%). Russia had 405,843 confirmed cases and 4,693 deaths per population of 144.5 million (a fatality rate of 1.2%). Kyrgyzstan had 1,748 confirmed cases and 16 deaths per population of 6.3 million (a fatality rate of 0.9%) (World Health Organization, 2020). Previous research has shown a strong negative association between disengagement coping and perceived control (Cassaretto et al., 2003; Dijkstra & Homan, 2016).

With the exception of religious coping, acceptance, and mental disengagement, the differences in coping responses across countries constituted only a small part of the total variability of coping. There have been only a few studies that compared the variability of coping within and between countries.

Gibson et al. (1992) compared coping behaviors reported by adolescents from 17 countries. The authors acknowledged that the adolescents from different countries reported similar problems and applied similar coping strategies. The most common coping response, regardless of country or socioeconomic grouping, was individual problem solving, such as trying harder or planning. Adolescents from Russia, treated as a separate group in the study and compared to adolescents from other countries, reported higher rates of trying harder as a response to the problems they met. A study of coping behaviors during COVID-19 in children and adolescents from Italy, Spain, and Portugal showed acceptance as the most prevalent coping strategy (Orgilés et al., 2020). The authors also found cross-cultural differences; the highest effect was found for collaborating with social activities, such as collective applause from the balconies that was a widespread expression of collective gratitude to health workers in Europe (Cramer's $V=0.22$).

Four Broad Coping Strategies in Russia, Kyrgyzstan, and Peru

Our study reproduced the four broad dimensions of coping behavior that appeared in early studies of COPE (Litman, 2006 for the review), *i.e.*, problem-focused, emotion-focused, social support, and avoidant coping strategies. In all three countries, active coping and planning were considered as problem-focused strategies; acceptance and humor as emotion-focused strategies; emotional and instrumental support as socially supported strategies; and denial as an avoidant strategy. The factor structure that we observed in the Russian sample is close to the one reported by Litman (2006) on a sample of 230 undergraduate students from the United States, who rated their coping responses using 60-items COPE. In Litman's study, the four coping factors loaded on the same COPE scores, but explained more of their variance (over 79%). The patterns of inter-factor correlations were also reproduced in our study, with problem-focused, emotion-focused, and socially supported coping strategies more similar to each other than to avoidant coping.

Unlike Litman, however, we observed a relatively high correlation between avoidant and socially supported coping, and this coefficient was one of the two correlations reliably reproduced in all three countries in our study. We suggest that avoidant coping might play an important role in a coping response to the COVID-19 pandemic and home confinement. Similarly, Rasskazova et al. (2013) suggest that, despite being considered a maladaptive coping strategy, avoidant coping can be essential when a stressful problem has no practical solution.

Two coping responses—religious coping and mental disengagement—were classified into different coping dimensions in all three countries. Religious coping was not associated with any coping factor in Russia, but was associated with avoidance coping in Kyrgyzstan, and with socially supported coping in Peru. Mental disengagement was associated with avoidance coping in Russia, but with emotion-focused coping in Kyrgyzstan, and with socially supported coping in Peru. This result, together with a relatively large cross-cultural difference in these coping behaviors, suggests that some coping behaviors can take different roles within the system of response to stressful events. This is especially relevant for religious coping, which can include a variety of strategies: religious reappraisal, seeking support from the religious community, emotional regulation through prayer or meditation, and/or finding new purpose in life (Pargament et al., 2000). The COPE questionnaire captures only a small part of the variability of religious coping behaviors.

Implications for Further Investigation

Our study aimed to document rather than explain the differences in coping responses during the COVID-19 pandemic. The nature and the consequences of the differences revealed in the study need to be further investigated.

For example, the cultural and socio-economic nature of coping response can be studied in relation to the appraisal of the risk of COVID-19 (Huynh, 2020, Mertens et al., 2020). Just as in the latest research (Zacher & Rudolph, 2020, Or-gilés et al., 2020), our study showed high prevalence of avoidant coping in response to COVID-19 pandemic. Avoidant coping is usually considered maladaptive in terms of subjective well-being (Benson, 2010; Bonneville-Roussy et al., 2017; Dijkstra & Homan, 2016; Klostermann et al., 2011; Litman, 2006; Penley et al., 2002; Woodhead et al., 2014). Further study is needed to clarify the role and function of avoidant coping response in the context of global pandemic and related home confinement.

Our research provided evidence of gender differences in coping responses. Female participants reported higher degrees of humor and self-blame, and male participants reported higher degrees of denial, religion, venting, and emotional and instrumental support. The pattern of gender differences varied across countries for some coping responses; for example, female participants from Peru reported higher acceptance than male participants, but no gender differences were found in Russia and Kyrgyzstan. Gender differences overall accounted for a small percentage of the individual differences in coping responses.

Nevertheless, we regard gender differences in coping responses important for further investigation. According to a meta-analysis, women generally are more engaged in coping behaviors due to higher stress appraisal (Tamres et al., 2002). A

qualitative study by Heltberg et al. (2013) showed that during global crises, women carry the additional burden of unpaid housework and meet harsher job conditions. In turn, Huang et al. (2020) reported that during the COVID-19 pandemic in China, women experienced more severe anxiety and fear than men.

Conclusion

Our study shows that, in general, participants from three different countries— Russia, Kyrgyzstan, and Peru— report a wide variety of coping behaviors in response to the COVID-19 pandemic and home confinement. The differences between countries are most pronounced in religious coping, acceptance, and mental disengagement, all of which are the highest in Peru.

Coping responses aggregate into four broad dimensions: problem-focused, socially supported, emotion-focused, and avoidant coping. While the core coping behaviors replicate across the countries, others can load on different dimensions in different countries. Religious coping and mental disengagement were classified into different dimensions in all three countries. We attribute the differences in the prevalence of coping behaviors and their factor structure to cultural features (e.g., dominant religion and religious practices) and the specific conditions of the COVID-19 epidemic and lockdown in a country. Our results contribute to the collection of knowledge of individual responses to the COVID-19 pandemic around the world, and hopefully will aid the search for universal and culture-specific resources for coping with the consequences of the pandemic.

Limitations

The generalizability of our results is limited by the fact that most of our participants in all three countries were university students. It is possible that the occurrence of the reported coping behaviors is tied to specific aspects of the COVID-19 pandemic that students were exposed to, such as difficulties with learning online. For the same reason, behaviors associated with coping with caretaker stressors might be underrepresented.

Our study relied on self-reports of coping behaviors, and therefore might be subject to social desirability bias, especially the responses on substance use and religious coping. Another possible concern is that in the Russian and Kyrgyz samples, we used an abbreviated version of the COPE questionnaire that has never been used before. The reliability indices of the abbreviated COPE scales in Russian and Kyrgyz sub-samples were comparable to those achieved in Peru using the Spanish Brief COPE and were similar to the reliabilities reported in a big meta-analysis (Kato et al., 2015). We also suggest that the similarity in broad dimensions of coping yielded in Russia, Kyrgyzstan, and Peru supports the notion that similar constructs were measured in all three sub-samples.

Acknowledgements

is study was supported by Russian Foundation for Basic Research (Project No. 20-04-60394).

References

- Abu-Raiya, H., & Pargament, K.I. (2015). Religious coping among diverse religions: Commonalities and divergences. *Psychology of Religion and Spirituality*, 7(1), 24–33. <https://doi.org/10.1037/a0037652>
- Baumstarck, K., Alessandrini, M., Hamidou, Z., Auquier, P., Leroy, T., & Boyer, L. (2017). Assessment of coping: A new French four-factor structure of the brief COPE inventory. *Health and Quality of Life Outcomes*, 15(1), 8. <https://doi.org/10.1186/s12955-016-0581-9>
- Benson, P.R. (2010). Coping, distress, and well-being in mothers of children with autism. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 4(2), 217–228. <https://doi.org/10.1016/j.rasd.2009.09.008>
- Biggs, A., Brough, P., & Drummond, S. (2017). Lazarus and Folkman's Psychological Stress and Coping theory. In C.L. Cooper & J.C. Quick (Eds.), *A Handbook of Stress and Health* (pp. 349–364). John Wiley & Sons, Ltd. <https://doi.org/10.1002/9781118993811.ch21>
- Bonneville-Roussy, A., Evans, P., Verner-Filion, J., Vallerand, R.J., & Bouard, T. (2017). Motivation and coping with the stress of assessment: Gender differences in outcomes for university students. *Contemporary Educational Psychology*, 48, 28–42. <https://doi.org/10.1016/j.cedpsych.2016.08.003>
- Brasileiro, S.V., Orsini, M.R.C.A., Cavalcante, J.A., Bartholomeu, D., Montiel, J.M., Costa, P.S.S., & Costa, L.R. (2016). Controversies Regarding the Psychometric Properties of the Brief COPE: A Case of the Brazilian-Portuguese Version "COPE Breve." *PLOS ONE*, 11(3), e0152233. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0152233>
- Brooks, S.K., Webster, R.K., Smith, L.E., Woodland, L., Wessely, S., Greenberg, N., & Rubin, G.J. (2020). The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence. *The Lancet*, 395(10227), 912–920. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30460-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30460-8)
- Carver, C.S. (1997). You want to measure coping but your protocol's too long: Consider the brief COPE. *International Journal of Behavioral Medicine*, 4(1), 92–100. https://doi.org/10.1207/s15327558ijbm0401_6
- Carver, C.S., Scheier, M.F., & Weintraub, J.K. (1989). Assessing coping strategies: A theoretically based approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 56(2), 267–283. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.56.2.267>
- Cassaretto, M., Chau, C., Oblitas, H., & Valdéz, N. (2003). Estrés y afrontamiento en estudiantes de psicología [Stress and coping in psychology students]. *Revista de Psicología [Psychology Magazine]*, 21(2), 363–392.
- Chai, P.P.M., Krägeloh, C.U., Shepherd, D., & Billington, R. (2012). Stress and quality of life in international and domestic university students: Cultural differences in the use of religious coping. *Mental Health, Religion & Culture*, 15(3), 265–277. <https://doi.org/10.1080/13674676.2011.571665>
- Central Intelligence Agency. (2020). *Central Asia: Kyrgyzstan*. Retrieved from: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/kg.html>
- Dijkstra, M.T.M., & Homan, A.C. (2016). Engaging in Rather than Disengaging from Stress: Effective Coping and Perceived Control. *Frontiers in Psychology*, 7. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01415>
- Doron, J., Trouillet, R., Gana, K., Boiché, J., Neveu, D., & Ninot, G. (2014). Examination of the Hierarchical Structure of the Brief COPE in a French Sample: Empirical and Theoretical Convergences. *Journal of Personality Assessment*, 96(5), 567–575. <https://doi.org/10.1080/00223891.2014.886255>
- Esteve, R., Ramírez-Maestre, C., & López-Martínez, A.E. (2007). Adjustment to chronic pain: The role of pain acceptance, coping strategies, and pain-related cognitions. *Annals of Behavioral Medicine*, 33(2), 179–188. <https://doi.org/10.1007/BF02879899>
- Farley, T., Galves, A., Dickinson, L.M., & Perez, M. de J.D. (2005). Stress, Coping, and Health: A Comparison of Mexican Immigrants, Mexican-Americans, and Non-Hispanic Whites. *Journal of Immigrant Health*, 7(3), 213–220. <https://doi.org/10.1007/s10903-005-3678-5>
- Gibson, J.T., Baker, C.E., Showalter, S.M., Al-Sarraf, Q., Atakan, S.A., Borgen, W.A., ... Talyzina, N.F. (1992). Gender and culture: Reported problems, coping strategies and selected helpers of male and female adolescents in 17 countries. *International Journal for the Advancement of Counselling*, 15(3), 137–149. <https://doi.org/10.1007/BF00116485>

- Gutiérrez, F., Peri, J.M., Torres, X., Caseras, X., & Valdés, M. (2007). Three dimensions of coping and a look at their evolutionary origin. *Journal of Research in Personality*, 41(5), 1032–1053. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2007.01.006>
- Heltberg, R., Hossain, N., Reva, A., & Turk, C. (2013). Coping and Resilience during the Food, Fuel, and Financial Crises. *Journal of Development Studies*, 49(5), 705–718. <https://doi.org/10.1080/00220388.2012.746668>
- Huang, L., Xu, F.M., & Liu, H.R. (2020). *Emotional responses and coping strategies of nurses and nursing college students during COVID-19 outbreak* [Preprint]. Public and Global Health. <https://doi.org/10.1101/2020.03.05.20031898>
- Huynh, T.L.D. (2020). The COVID-19 risk perception: A survey on socioeconomics and media attention. *Economics Bulletin*, 40(1), 758–764.
- Instituto Nacional de Estadística e Informática. (2017). *Peru: Perfil Sociodemográfico [Peru: Sociodemographic Profile]*. Instituto Nacional de Estadística e Informática. Retrieved from: https://www.inei.gob.pe/media/MenuRecursivo/publicaciones_digitales/Est/Lib1539/
- Kato, T. (2015). Frequently Used Coping Scales: A Meta-Analysis: Frequently Used Coping Scales. *Stress and Health*, 31(4), 315–323. <https://doi.org/10.1002/smi.2557>
- Kim, H.S., Sherman, D.K., & Taylor, S.E. (2008). Culture and social support. *American Psychologist*, 63(6), 518–526. <https://doi.org/10.1037/0003-066X>
- Klostermann, K., Chen, R., Kelley, M.L., Schroeder, V.M., Braitman, A.L., & Mignone, T. (2011). Coping Behavior and Depressive Symptoms in Adult Children of Alcoholics. *Substance Use & Misuse*, 46(9), 1162–1168. <https://doi.org/10.3109/10826080903452546>
- Kohl, A., Rief, W., & Glombiewski, J.A. (2013). Acceptance, Cognitive Restructuring, and Distraction as Coping Strategies for Acute Pain. *Journal of Pain*, 14(3), 305–315. <https://doi.org/10.1016/j.jpain.2012.12.005>
- Krägeloh, C.U. (2011). A Systematic Review of Studies Using the Brief COPE: Religious Coping in Factor Analyses. *Religions*, 2(3), 216–246. <https://doi.org/10.3390/rel2030216>
- Lazarus, R., & Folkman, S. (1984). *Stress, Appraisal, and Coping*. Springer Publishing Company. Litman, J.A. (2006). The COPE inventory: Dimensionality and relationships with approach- and avoidance-motives and positive and negative traits. *Personality and Individual Differences*, 41(2), 273–284. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2005.11.032>
- Mertens, G., Gerritsen, L., Duijndam, S., Saleminck, E., & Engelhard, I.M. (2020). Fear of the corona-virus (COVID-19): Predictors in an online study conducted in March 2020. *Journal of Anxiety Disorders*, 74, 102258. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2020.102258>
- Morán, C., Landero Hernández, R., & González Ramírez, M.T. (2010). COPE-28: Un análisis psicométrico de la versión en español del brief COPE [COPE-28: A Psychometric Analysis of the Spanish Version of the Brief COPE]. *Universitas Psychologica*, 9(2), 543–552. <https://doi.org/10.11144/Javeriana.upsy9-2.capv>
- Nikulchev, E.V., Ilin, D.Yu., Kolyasnikov, P.V., Belov, V.A., Runtov, A.I., Pushkin, P.Y., ... Malykh, S. B. (2020). TSifrovaia platforma DigitalPsyTools dlia massovykh veb-oprosov v sisteme obrazovaniia [e Platform DigitalPsyTools for Mass Web-Surveys in Education]. *Cloud of Science*, 7(2). Retrieved from: https://www.researchgate.net/publication/340491972_Cifrovaa_platforma_DigitalPsyTools_dlia_massovykh_veb-oprosov_v_sisteme_obrazovania
- Nikulchev, E.V., Ilin, D.Yu., Kolyasnikov, P.V., Ismatullina, V.I., Zakharov, I.M., & Malykh, S.B. (2019). Razrabotka otkrytoi tsifrovo platformy masshtabnykh psikhologicheskikh issledovaniy [Development of the open digital platform for conducting large-scale psychological research]. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy [Russian Foundation for Basic Research Journal]*, 4(104). <https://doi.org/10.22204/2410-4639-2019-104-04-105-119>
- Orgilés, M., Morales, A., Delvecchio, E., Francisco, R., Mazzeschi, C., Pedro, M., & Espada, J.P. (2020). *Coping behaviors and psychological disturbances in youth affected by the COVID-19 health crisis* [Preprint]. PsyArXiv. <https://doi.org/10.31234/osf.io/2gnxb>
- Pargament, K.I., Koenig, H.G., & Perez, L.M. (2000). The many methods of religious coping: Development and initial validation of the RCOPE. *Journal of Clinical Psychology*, 56(4), 519–543. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1097-4679\(200004\)56:4<519::AID-JCLP6>3.0.CO;2-1](https://doi.org/10.1002/(SICI)1097-4679(200004)56:4<519::AID-JCLP6>3.0.CO;2-1)

- Penley, J.A., Tomaka, J., & Wiebe, J.S. (2002). The Association of Coping to Physical and Psychological Health Outcomes: A Meta-Analytic Review. *Journal of Behavioral Medicine*, 25(6), 551–603. <https://doi.org/10.1023/A:1020641400589>
- Pew Research Center. (2017, May 10). Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe. *Pew Research Center's Religion & Public Life Project*. Retrieved from: <https://www.pewforum.org/2017/05/10/religious-belief-and-national-belonging-in-central-and-eastern-europe/>
- Rasskazova, E.I., Gordeeva, T.Yu., & Osin, E.N. (2013). Koping-strategii v strukture deiatel'nosti i samoregulatsii: Psikhometricheskie kharakteristiki i vozmozhnosti primeneniia metodiki COPE [Coping strategies in the structure of activity and self-regulation: Psychometric properties and applications of the COPE inventory]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei Shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]*, 10(1), Article 1.
- Sica, C., Novara, C., Dorz, S., & Sanavio, E. (1997). Coping strategies: Evidence for cross-cultural differences? A preliminary study with the Italian version of coping orientations to problems experienced (COPE). *Personality and Individual Differences*, 23(6), 1025–1029. [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(97\)00112-8](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(97)00112-8)
- Tamres, L.K., Janicki, D., & Helgeson, V.S. (2002). Sex Differences in Coping Behavior: A Meta-Analytic Review and an Examination of Relative Coping. *Personality and Social Psychology Review*, 6(1), 2–30. https://doi.org/10.1207/S15327957PSPR0601_1
- Werth, P.W. (2011). Lived Orthodoxy and Confessional Diversity: The Last Decade on Religion in Modern Russia. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 12(4), 849–865. <https://doi.org/10.1353/kri.2011.0044>
- World Health Organization. (2020). *Coronavirus Disease (COVID-19) Situation Reports*. Retrieved from: <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/situation-reports>
- Woodhead, E.L., Cronkite, R.C., Moos, R.H., & Timko, C. (2014). Coping Strategies Predictive of Adverse Outcomes among Community Adults: Coping Strategies and Adverse Outcomes. *Journal of Clinical Psychology*, 70(12), 1183–1195. <https://doi.org/10.1002/jclp.21924>
- Xie, X., Xue, Q., Zhou, Y., Zhu, K., Liu, Q., Zhang, J., & Song, R. (2020). Mental Health Status Among Children in Home Confinement during the Coronavirus Disease 2019 Outbreak in Hubei Province, China. *JAMA Pediatrics*. <https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2020.1619>
- Zacher, H., & Rudolph, C.W. (2020). Individual differences and changes in subjective well-being during the early stages of the COVID-19 pandemic. *American Psychologist*. <https://doi.org/10.1037/amp0000702>

Original manuscript received August 03, 2020

Revised manuscript accepted November 05, 2020

First published online December 30, 2020

To cite this article: Voronin, I.A., Manrique-Millones, D., Vasin, G.M., Millones-Rivalles, R.B., Manrique-Pino, O., Fernández-Ríos, N., Marakshina, Yu.A., Lobaskova, M.M., Symanyuk, E.E., Pecherkina, A.A., Ageeva, I.A., Lysenkova, I.A., Ismatullina, V.I., Sitnikova, M.A., Malykh, S.B. (2020). Coping Responses During the COVID-19 Pandemic: A Cross-Cultural Comparison of Russia, Kyrgyzstan, and Peru. *Psychology in Russia: State of the Art*, 13(4), 55–74. DOI: 10.11621/psr.2020.0404

Меры борьбы с пандемией COVID-19: межкультурное сравнение России, Кыргызстана и Перу

Аннотация

Фон. Пандемия COVID-19 подвергла людей во всем мире сильному стрессу, вызвав различные реакции. Реагирование на преодоление трудностей можно в целом разделить на четыре стратегии: 1) ориентированное на проблему совладание; 2) эмоционально ориентированное копирование; 3) социально поддерживаемый копинг; и 4) избегание. Несмотря на то, что индивидуальные реакции совладания весьма разнообразны, в некоторой степени они также культурно специфичны.

Цель. Это исследование было направлено на сравнение различий в распространенности и факторной структуре реакций совладания во время пандемии COVID-19 в трех странах: России, Кыргызстане и Перу.

Дизайн. В выборку вошли 501 участник из России, 456 участников из Кыргызстана и 354 участника из Перу. Средний возраст участников в России составил 28 лет ($SD = 13,5$); 24 года в Кыргызстане ($SD = 10,0$); и 30 лет в Перу ($SD = 12,3$). В России и Кыргызстане стратегии выживания оценивались с помощью сокращенной российской адаптации анкеты COPE (Coping Orientations to Problems Experienced). В Перу ответы на вопросы совладания оценивались с использованием испанской версии краткого вопросника COPE. Средние баллы по пятнадцати шкалам COPE использовались в качестве входных данных для линейного моделирования и факторного анализа.

Результаты. Баллы выживания существенно различались в каждой стране. Различия между странами составили 17,7% от общей изменчивости религиозного совладания; 15,8% в приеме; 13,9% - умственная отстраненность; и менее 7% в других стратегиях выживания. С учетом возраста и пола не было обнаружено разницы в распространенности реакций совладания между российскими и кыргызскими участниками. Во всех трех странах реакции совладания были связаны с одними и теми же четырьмя сферами совладания: копирование, ориентированное на проблему, копирование с социальной поддержкой, избегание и копирование, ориентированное на эмоции. Четыре фактора объясняют до 44% общего разброса оценок COPE. В трех странах религиозное совладание и умственное отстранение были отнесены к разным сферам совладания.

Заключение. Результаты показывают, что во время пандемии COVID-19 люди из разных стран применяют полный спектр ответов в рамках четырех универсальных стратегий выживания. Религиозное совладание и умственная отстраненность больше всего различались в разных странах, что позволяет предположить, что некоторые виды копинг-поведения могут играть разные роли в системе совладания со стрессовыми событиями. Мы объясняем эти различия различными культурными и социально-экономическими характеристиками, а также различными мерами, принимаемыми правительствами в ответ на COVID-19.

Авторы

Воронин,				И.А.
Психологический институт Российской академии образования,	Москва,	Россия		
Manrique-Millones,				D.
Университет	Сан-Мартин-де-Поррес,	Перу		
Васин,				GD
Центр междисциплинарных исследований в образовании Российской академии образования,	Москва,	Россия		
Millones-Rivalles				RB
Universidad de Lima,	Lima,	Perú		
Fernández-Ríos,				N.
Национальный университет Святого Августина,		Перу		
Маракшина,				Ю.А.
Психологический институт Российской академии образования,	Москва,	Россия		
Центр междисциплинарных исследований в образовании Российской академии образования,	Москва,	Россия		
Лобаскова				М.М.
Психологический институт Российской академии образования,	Москва,	Россия		
Центр междисциплинарных исследований в образовании Российской академии образования,	Москва,	Россия		
Симанюк,				Е.Е.
Уральский федеральный университет, Гуманитарный институт,	Екатеринбург,	Россия		
Печеркина,				А.А.
Уральский федеральный университет им. первый Президент России Б.Н. Ельцин,	Екатеринбург,	Россия		
Агеева,				И.А.
Кыргызско-русский славянский университет,	Бишкек,	Кыргызстан		
Лысенкова,				И.А.

Кыргызско-русский славянский университет, Бишкек, Кыргызстан
Исмагуллина,
 Психологический институт им.
 Центр междисциплинарных исследований в образовании Российской академии образования,
 Москва, Россия
Ситникова, М.А.
 Центр междисциплинарных исследований в образовании Российской академии образования,
 Москва, Россия
Малых, С.Б.
 Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия
 Психологический институт им. Российской академии образования, Москва, Россия
 Центр междисциплинарных исследований в образовании Российской академии образования,
 Москва, Россия
Manrique-Pino, О.
 Universidad Católica Sedes Sapientiae, Лима, Перу

Поступила: 08.03.2020

Принята в печать: 11.05.2020

Темы: COVID-19: психологические проблемы

PDF: http://psychologyinrussia.com/volumes/pdf/2020_4/Psychology_4_2020_55-74_Voronin.pdf

Страницы: 55-74

DOI: 10.11621 / pir.2020.0404

Ключевые слова: совладающее поведение; стратегии выживания; СПРАВИТЬСЯ; межкультурные различия; факторная структура

Введение

Пандемия COVID-19 повлияла на многие аспекты повседневной жизни людей. Меры, инициированные обществами по всему миру для борьбы с распространением вируса, включают обязательное домашнее заключение и социальное дистанцирование. Распространенными источниками страха во время пандемии являются: риск заражения себя и других значимых; нехватка припасов; коллапс здравоохранения; потеря дохода; глобальные социальные и финансовые кризисы; и неопределенная продолжительность карантина (Brooks et al., 2020; Mertens et al., 2020). Обстоятельства пандемии COVID-19 привели к заметному увеличению индивидуальной тревожности, депрессии и других симптомов дистресса (Xie et al., 2020; Zacher & Rudolph, 2020). Поэтому важно задокументировать различные ответные меры, которые могут позволить людям преодолеть стрессы пандемии.

Копинг относится к ряду поведенческих и когнитивных механизмов (стратегий), предназначенных для борьбы со стрессом. Современное понимание копинг-реакций в значительной степени следует модели, предложенной Р.С. Лазарусом и С. Фолкманом (Biggs et al., 2017; Lazarus & Folkman, 1984). Эта модель описывает реакцию совладания как взаимодействие между человеком и его / ее окружающей средой, которое определяется личной оценкой переживаемого стресса и включает в себя мобилизацию личных ресурсов.

Лазарус и Фолкман (1984) выделили два различных метода совладания: 1) *копирование*, ориентированное на *проблему*, которое направлено на непосредственное управление источником стресса, и 2) *копирование*, ориентированное на эмоции, которое направлено на регулирование эмоций, возникающих в результате стрессовых ситуаций. события или ситуации. Более поздние классификации расширили эту таксономию, добавив *избегающее копирование* (обращение к отвлекающим действиям или отрицание источника стресса) и социально поддерживаемое копирование (обращение к совету, помощи или эмоциональной поддержке со стороны других) (Baumstarck et al., 2017; Carver et al., 1989; Литман, 2006).

Наиболее часто используемый опросник для измерения копинг-поведения - это опросник COPE, разработанный К. С. Карвером (Carver et al., 1989). Опросник COPE измеряет 15 стратегий выживания:

1. *Принятие* - подчинение реальности ситуации;

2. *Активный копинг* - активные или прямые действия по преодолению стрессовой ситуации;
3. *Отстранение от поведения* - отказ активно бороться со стрессом;
4. *Отрицание* - отказ верить в случившееся или попытка отрицать его реальность;
5. *Поиск эмоциональной поддержки* - поиск сочувствия и понимания со стороны других;
6. *Юмор* - шутки и смех над ситуацией;
7. *Поиск инструментальной поддержки* - обращение к другим за советом, помощью или информацией;
8. *Психическое отстранение / Самостоятельное отвлечение* - участие в деятельности, чтобы отвлечься от неприятных мыслей, связанных с проблемой, мечтания, сон;
9. *Планирование* - размышления о том, как справиться с трудной жизненной ситуацией, разработка стратегии действий;
10. *Позитивная реинтерпретация* - переоценка стрессовой ситуации в позитивном ключе;
11. *Религия* - обращение к помощи Бога, веры, религии или медитации;
12. *Сдержанность* - удержание себя от необдуманных действий в ответ на стресс (отсутствует в Кратком COPE);
13. *Употребление психоактивных веществ* - употребление алкоголя, наркотиков или лекарств, чтобы отвлечься от стрессовой ситуации;
14. *Подавление конкурирующих действий* - откладывание действий, которые не помогают решить проблему (отсутствует в Кратком COPE);
15. *Вентиляция* - выражение отрицательных эмоций.

Исходная анкета COPE включала четыре пункта для каждой шкалы выживания, всего 60 пунктов. Позже была разработана сокращенная версия (Brief COPE), включающая 13 оригинальных шкал: принятие; активный копинг; поведенческое отключение; отрицание; эмоциональная поддержка; юмор; инструментальная поддержка; самоотвлечение (изначально умственное отстранение); планирование; позитивный рефрейминг (изначально позитивная реинтерпретация); религия; употребление психоактивных веществ; и вентиляция. Он также добавил шкалу самообвинения (критика себя за ответственность в ситуации) (Carver, 1997).

Краткий COPE включал по два пункта для каждой шкалы, всего 28 пунктов. Анкета COPE стала наиболее часто используемым инструментом для оценки стратегий выживания: она использовалась в 20% всех опубликованных исследований по преодолению трудностей в период с 2000 по 2013 год, включая исследования по преодолению проблем со здоровьем, межличностному стрессу, стрессу на работе и уходу (Kato, 2015).

Стратегии преодоления изучаются во всем мире. Возникновение и структура широких аспектов совладания оказались зависимыми от межкультурных различий, поскольку культура как информирует, так и ограничивает эффективные подходы к преодолению стресса (Sica et al., 1997). Например, в исследовании преодоления стресса у студентов университетов азиатские студенты с большей вероятностью пытались справиться с религиозными проблемами, чем европейские студенты (Chai et al., 2012). В другом исследовании сравнивалось совладающее поведение мексиканских граждан в Соединенных Штатах с мексиканскими американцами и неиспаноязычными гражданами Соединенных Штатов (Farley et al., 2005). По сравнению с другими группами, мексиканские граждане с меньшей вероятностью употребляли психоактивные вещества или отвлекались на себя, и с большей вероятностью использовали отрицание и религиозную помощь. Что касается социальной поддержки,

Точно так же факторный анализ пунктов и шкал COPE и Brief COPE дал неоднородные результаты для разных групп населения. Например, в испанской выборке с использованием COPE была обнаружена трехфакторная структура: участие, разъединение и обращение за помощью (Gutiérrez et al., 2007). Во французских выборках с использованием Brief COPE были обнаружены четыре и пять факторов: социальная поддержка, решение проблем, избегание и позитивное мышление (Baumstarck et al., 2017); и решение проблем, поиск поддержки, избегание, когнитивная реструктуризация и отвлечение (Doron et al., 2014). С помощью бразильско-португальской версии Brief COPE были обнаружены три фактора: религия и позитивный рефрейминг, отвлечение и внешняя поддержка (Brasileiro et al., 2016). Религиозное совладание оказалось одной из самых изменчивых стратегий с точки зрения его взаимосвязи с другими реакциями совладания (Krugeloh,

В нескольких исследовательских работах рассматривались индивидуальные различия в ответных реакциях на пандемию COVID-19 в разных странах. Культурный характер реакций совладания заметен в оценке риска заболевания. Исследование, проведенное во Вьетнаме, показало, что восприятие риска COVID-19 связано с использованием социальных сетей и географическим положением (Huynh, 2020). В Европе и США страх перед COVID-19 был положительно связан с получением информации из обычных и социальных сетей и был вызван в первую очередь страхом за близких и беспокойством о здоровье (Mertens et al., 2020). Исследование, проведенное в Германии, показало, что люди использовали полный спектр стратегий выживания в ответ на пандемию COVID-19 (Zacher & Rudolph, 2020). Сосредоточен на проблеме, сосредоточен на эмоциях,

С другой стороны, как проблемно-ориентированное, так и избегающее совладание предсказывало меньшее беспокойство, проблемы со сном и когнитивные изменения в ответ на домашний арест у детей и подростков из Италии, Испании и Португалии (Orgilés et al., 2020). Авторы обнаружили, что наиболее часто используемыми стратегиями выживания во всех трех странах были: 1) принятие реальности заключения; 2) участие в общественной деятельности; 3) игнорирование событий или действия, как будто ничего не происходит; и 4) подчеркивание положительных сторон пребывания дома. Однако были обнаружены и различия в реакциях совладания: португальские дети чаще реагировали с юмором; Испанские дети чаще участвовали в общественной деятельности, искали утешения у других или вели себя так, как будто ничего не произошло; а итальянские дети чаще казались не обеспокоенными.

Настоящее исследование направлено на расширение фактических данных о способах выживания во время пандемии COVID-19 в различных культурных и социально-экономических контекстах. Мы используем данные о стратегиях выживания, измеренные с помощью русской и испанской версий вопросника COPE, чтобы: 1) сравнить частоту ответов и 2) описать общие аспекты стратегий выживания в трех странах: России, Кыргызстане и Перу.

Методы

Участники и процедура

В исследовании участвовал 501 участник из России (средний возраст 28 лет, 76% женщин), 456 участников из Кыргызстана (средний возраст 24 года, 85% женщин) и 354 участника из Перу (средний возраст 30 лет, 63% женщины).

Данные из России и Кыргызстана были собраны в рамках более крупного исследования, направленного на изучение психологического воздействия пандемии COVID-19 на учащихся и учителей обычных школ, колледжей и университетов. Студенты университетов составили подавляющее большинство в выборке из России и Кыргызстана (69% и 83% соответственно). Остальные участники из России и Кыргызстана были учителями университетов и школ. Аналогичным образом, перуанские данные были получены в результате более крупного исследования, целью которого было изучить связи между метапознаниями, стратегиями выживания и психическим здоровьем во время пандемии COVID-19. В общей сложности 53% участников из Перу были студентами университетов. Студенты университетов в среднем были моложе других участников, с меньшей вариабельностью возраста во всех трех странах. Подробное описание характеристик образца представлено в *Таблица 1*.

Исследовательские проекты в России и Кыргызстане получили этическое одобрение соответствующих институциональных советов. Участники имели право на участие, если они были старше 18 лет. Они были проинформированы об анонимном и конфиденциальном характере исследования и дали информированное согласие перед тем, как приступить к заполнению анкет. Участие было добровольным и могло быть отменено участником в любой момент без объяснения причин.

Ответы были собраны посредством онлайн-опроса. В России и Кыргызстане участников набирали их образовательные организации, которые распространили ссылку на онлайн-опрос (Никульчев и др., 2019, 2020). В Перу ссылка на опрос была распространена авторами по электронной почте или через платформы социальных сетей (Facebook, WhatsApp, LinkedIn и т. Д.).

Данные по России и Кыргызстану были собраны в период с 11 мая по 5 июня 2020 года. Данные по Перу были собраны с 14 апреля по 5 июня 2020 года.

Таблица 1.

Образец резюме

Страна / группа		Возраст, лет				
		п	М	SD	мин	Максим
Россия						
	Все	501	28,0	13,5	18	73
	студент университета	348	20,2	2,5	18	37
	Преподаватель университета	153	45,7	11,6	25	73
Кыргызстан						
	Все	456	23,8	10.0	18	80
	студент университета	378	20,0	1.9	18	30
	Преподаватель университета	23	48,3	13,7	22	69
	Школьный учитель	55	39,4	11,7	22	80
Перу						
	Все	354	29,5	12,3	18	70
	студент университета	186	21,7	5.1	18	70
	разное	168	38,2	12.0	18	70

Материалы

Для оценки совладающего поведения в России и Кыргызстане мы разработали сокращенную версию опросника COPE (60 вопросов, Carver et al., 1989), который был адаптирован для русскоговорящих Рассказовой, Гордеевой и Осиным (2013). Анкета COPE для России была сокращена, чтобы учесть временные ограничения на сбор данных в России и Кыргызстане. Задания с наименьшими факторными нагрузками в Рассказовой и др. (2013) были опущены; сокращенная версия российской шкалы COPE включала 32 пункта из 14 шкал COPE (шкала ограничений полностью опущена). Каждая шкала была представлена от 1 до 4 пунктов. Для оценки копинг-поведения в Перу мы использовали испанскую адаптацию Brief

COPE (Carver, 1997; Morán et al., 2010). Испанская версия Brief COPE включала 28 пунктов из 14 шкал Brief COPE. Каждая шкала была представлена двумя пунктами. *Таблица 2*.

Участников из России и Кыргызстана попросили оценить, как часто они использовали способы выживания, описанные в пунктах COPE. Стрессорное событие явно не указано; однако, поскольку предыдущий вопросник в батарее относился к личному опыту участников с COVID-19, мы предполагаем, что ответы на COPE основывались на этом контексте. Участникам было предложено четыре варианта: «Я никогда этого не делаю», «Я делаю это немного», «Я делаю это довольно часто» и «Я делаю это очень часто». Ответы записывались в виде целых чисел в диапазоне от 1 до 4. Участников из Перу попросили оценить их поведение совладания в ответ на изоляцию. Они ответили, оценив каждый элемент целым числом в диапазоне от 0 до 3, где 0 = «Я никогда этого не делаю», 1 = «Я делаю это немного», 2 = «Я делаю это часто» и 3 = «Я делаю это всегда».

Таблица 2.

Достоверность опросников COPE, использованных в исследовании

Шкала COPE	Русский (32 шт.)	
	N товаров	альфа (Россия)
Принятие	4	0,846
Активный копинг	2	0,519
Поведенческое отключение	2	0,315
Отрицание	2	0,558
Эмоциональная поддержка	2	0,732
Юмор	2	0,748
Инструментальная поддержка	2	0,742
Психическое отстранение / Самостоятельное отвлечение	4	0,480
Планирование	2	0,706
Позитивная интерпретация / переосмысление	2	0,810

Религия	4	0,909
Использование психоактивных веществ	1	-
Подавление конкурирующих действий	1	-
Вентиляция	2	0,739
Винить себя	-	-

Запись. COPE-32 - это сокращенная русская версия оригинального COPE (Рассказова и др., 2013). COPE-28 - это испанская адаптация Brief COPE (Moran et al., 2010). alpha = альфа Кронбаха

Анализ

Чтобы сравнить копинг-поведение в трех странах, мы вычислили описательную статистику (среднее и стандартное отклонения) для каждой шкалы COPE в каждой стране. Мы применили набор независимых линейных моделей, чтобы оценить, какая часть изменчивости оценок COPE учитывалась по странам (основной предиктор), а какая - по возрасту, полу и взаимодействию между странами (контрольные переменные). Взаимодействие было включено в модель, чтобы учесть неравномерное распределение участников мужского и женского пола по странам. Мы оценили маргинальные средние в группах по полу, стране и полу по странам и выполнили попарные апостериорные сравнения по полу и стране (тест на достоверно значимую разницу Тьюки). Чтобы учесть множественное тестирование, мы скорректировали пороги значимости по количеству моделей (15).

Принимая во внимание высокую неоднородность широких измерений выживания среди населения, мы решили провести исследовательский факторный анализ, чтобы сравнить факторную структуру выживания во всех трех странах. Руководствуясь графиками осыпи, мы извлекли четыре фактора, используя метод минимальной невязки с вращением облимина. Факторные нагрузки ниже 0,25 не учитывались. Каждому баллу COPE присваивался фактор, на который он оказал наибольшее влияние, за исключением принятия в Перу, который в равной степени влиял на три фактора и был отнесен к фактору сосредоточенного на эмоциях совладания (см. Раздел «Результаты» и *таблицу 4с*).

Анализ данных был выполнен на языке R с использованием пакетов «emmeans» для оценки маргинальных средних и «псих» для факторного анализа.

Полученные результаты

Частота ответов COPE в трех странах

Сводные статистические данные по шкале COPE представлены в *таблице 3*. Наиболее часто описываемым поведением совладания было принятие, активное копирование, планирование и позитивная реинтерпретация, оцененные на уровне трех баллов («Я делаю это довольно часто») во всех трех странах. Наименее часто используемыми формами совладающего поведения во всех странах были употребление психоактивных веществ, отрицание, отказ от поведения и религия с оценкой от одного до двух баллов («Я никогда не делаю этого» и «Я делаю это немного»), за исключением религии в Перу. Участники из Перу набрали религию намного выше двух баллов (2,45). Другой шкалой с низким средним баллом была шкала самообвинения, которая оценивалась примерно в два балла в Перу и была недоступна в двух других странах. Другие шкалы COPE, такие как эмоциональная поддержка, юмор, инструментальная поддержка, умственная отстраненность, подавление конкурирующих действий и высказывание,

Полная модель, которая включала возраст, пол, страну и взаимодействие между странами, объяснила менее 20% общей вариативности оценок COPE. Модель объяснила наименьшую вариативность инструментальной поддержки (2%) и наибольшую вариативность религии

(19,7%). Различия, связанные с возрастом и полом участников, составляли менее 5% от общей вариабельности, с наименьшей степенью умственной отстраненности (0,3%) и наибольшей с отклонением от нормы (4,7%). Возрастные различия были обнаружены по шести шкалам COPE: участники старшего возраста сообщили о более высоком активном копинге ($\beta = 0,006$), планировании ($\beta = 0,010$), религии ($\beta = 0,009$) и подавлении конкурирующих видов деятельности ($\beta = 0,007$) и более низкой умственной отстраненности. ($\beta = -0,005$) и вентиляция ($\beta = -0,006$) по сравнению с более молодыми участниками. Гендерные различия были обнаружены по семи шкалам COPE: по сравнению с участниками мужского пола,

Степень межкультурных различий была зафиксирована по разбросу по странам после учета возраста и пола участников. *Рисунок 1* показывает оценочные предельные средние баллов COPE в трех странах. В разных странах участники больше всего различались по религии (17,7%), принятию (15,8%) и умственной отстраненности (13,9%). По другим шкалам степень различий между странами была менее 7%. По сравнению с Россией и Кыргызстаном участники из Перу получили более низкие баллы по поведенческой непривязанности, употреблению психоактивных веществ и выходу из строя и выше по принятию и умственной отстраненности. Эти баллы не различались между участниками из России и Кыргызстана. Участники из Кыргызстана получили более высокие баллы по отрицанию, чем участники из России и Перу. Показатели религии различались во всех трех странах: участники из России имели самый низкий балл, участники из Кыргызстана имели средний балл, а участники из Перу имели самый высокий балл.

Статистически значимый вклад гендерного взаимодействия в разных странах был обнаружен в отношении принятия, подавления конкурирующих видов деятельности и выставления оценок. Участники женского пола из Перу получили более высокие баллы по принятию, чем участники мужского пола, но не было обнаружено различий между участниками мужского и женского пола в России и Кыргызстане. Участники женского пола из Кыргызстана получили более высокие баллы по подавлению конкурирующих видов деятельности, но не было обнаружено различий между участниками мужского и женского пола в России (не было данных из Перу по этой шкале COPE). Участники-мужчины из России и Кыргызстана набрали больше баллов по вентиляции, чем участники-женщины, но в Перу не было обнаружено различий между участниками мужского и женского пола. В целом на взаимодействие приходилось не более 1,4% от общей вариабельности оценок COPE.

Таблица 3.

Описательная статистика шкал COPE в трех странах

Шкала	Россия	
	М	SD
Принятие	2,90	0,64
Активный копинг	2,96	0,59
Поведенческое отключение	2,00	0,68
Отрицание	1,73	0,72

Эмоциональная поддержка	2,56	0,81
Юмор	2,36	0,83
Инструментальная поддержка	2,37	0,84
Психическое отключение	2,42	0,59
Планирование	2,98	0,68
Положительное переосмысление	2,81	0,81
Религия	1,49	0,72
Использование психоактивных веществ	1,40	0,75
Подавление конкурирующих действий	2,50	0,86
Вентиляция	2,53	0,83
Винить себя	-	-

Запись. M = средний балл, SD = стандартное отклонение

Рисунок 1. Расчетные средние предельные значения баллов COPE в России, Кыргызстане и Перу.

*Запись. Планки погрешностей показывают 95% доверительный интервал. Звездочками отмечена статистическая значимость странового термина: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$. Все пороги были скорректированы по Бонферрони по количеству моделей (15)*

Факторная структура ответов COPE

Исследовательский факторный анализ оценок COPE показал, что четыре фактора объясняют 41,4% общей дисперсии в России, 40,8% в Кыргызстане и 44% в Перу (Таблица 4). Этими четырьмя факторами были сосредоточенное на проблеме копинг (F1), копинг с социальной поддержкой (F2), избегающий копинг (F3) и эмоционально-ориентированный копинг (F4). Все оценки COPE загружены как минимум по одному фактору, за исключением религии в России и употребления психоактивных веществ в Кыргызстане.

Решение проблем, ориентированное на решение (F1), включало активное копирование и планирование во всех трех странах. В России и Киргизии это также было связано с пресечением конкурирующих действий. В Перу этот фактор включал позитивное переосмысление, но не подавление конкурирующих видов деятельности. В Кыргызстане фактор проблемно-ориентированного совладания (F1) был негативно загружен поведенческим отказом.

Ключевыми переменными для *социально поддерживаемого копинга (F2)* были эмоциональная и инструментальная поддержка, которая влияла на этот фактор во всех трех странах. В России и Кыргызстане, но не в Перу, этот фактор также включал вентиляцию. В Перу фактор

социально поддерживаемого совладания (F2) включал эмоциональную поддержку, инструментальную поддержку, умственную отстраненность и религию. Отрицание было ключевой переменной *избегающего совладания* (F3) во всех трех странах. В России избегающий фактор совладания также включает умственную отстраненность, поведенческую отстраненность и употребление психоактивных веществ. Точно так же в Перу этот фактор включал в себя отказ от поведения и употребление психоактивных веществ, а также выговор и самообвинение. В Кыргызстане избегающее копинг (F3) включает отрицание и религию.

Копинг, ориентированный на эмоции (F4), включал юмор и принятие во всех трех странах; хотя в Перу принятие в равной степени связано с факторами сосредоточения на проблеме, избегания и эмоций. В России этот фактор также был связан с положительной переосмыслением; в Кыргызстане - с позитивным переосмыслением и умственной отстраненностью.

Межфакторные корреляции были сходными в выборках из России и Кыргызстана и варьировались от 0,13 до 0,35, за исключением меньшей корреляции между избегающим копингом (F3) и эмоционально ориентированным копингом (F4) [0,03 в России и 0,06 в Кыргызстане]. Проблемно-ориентированный копинг (F1) положительно коррелировал с социально-поддерживаемым копингом (F2) [$r = 0,267$ и $0,205$] и эмоционально-ориентированным копингом (F4) [$r = 0,348$ и $0,247$] в России и Кыргызстане, соответственно. Избегающее копинг (F3) отрицательно коррелировал с копингом, ориентированным на проблему (F1) [$r = -0,181$ и $-0,154$], но положительно - с копингом с социальной поддержкой (F2) [$r = 0,354$ и $0,304$].

В перуанской выборке все межфакторные корреляции были положительными и варьировались от 0,01 до 0,33. Социально поддерживаемое копинг (F2) было положительно связано с факторами проблемно-ориентированного совладания (F1) [$r = 0,326$] и избегающего совладания (F3) [$r = 0,246$]. Фактор ориентированного на эмоции совладания (F4) был связан с теми же двумя факторами с более слабой величиной эффекта [$r = 0,113$ и $0,162$ для F1 и F3, соответственно]. Две корреляции были устойчивыми во всех трех выборках: сосредоточенность на проблеме с социально поддерживаемым копингом (F1 и F2) и социальная поддержка с избегающим копированием (F2 и F3).

Таблица 4

Исследовательский факторный анализ шкал COPE в трех странах

а) Россия

фактор / позиция	F1
<i>F1 - Решение проблем, ориентированное на проблему</i>	
Активный копинг	0,836
Планирование	0,683
Подавление конкурирующих действий	0,538
<i>F2 - Социальная поддержка</i>	
Эмоциональная поддержка	

Инструментальная поддержка	
Вентиляция	
<i>F3 - Избегать совладания</i>	
Психическое отключение	
Отрицание	
Поведенческое отключение	-0,318
Использование психоактивных веществ	
<i>F4 - сосредоточение на эмоциях</i>	
Юмор	
Положительное переосмысление	0,272
Принятие	
<i>Религия *</i>	
<i>Expl. var. (%)</i>	<i>13,5</i>

Запись. Нагрузки ниже 0,25 были отфильтрованы.

* Эта шкала не была связана ни с одним из факторов.

(б) Кыргызстан

фактор / позиция	F1
<i>F1 - Решение проблем, ориентированное на проблему</i>	
Планирование	0,735

Активный копинг	0,660
Подавление конкурирующих действий	0,355
Поведенческое отключение	-0,446
<i>F2 - Социальная поддержка</i>	
Эмоциональная поддержка	
Инструментальная поддержка	
Вентиляция	
<i>F3 - Избегать совладания</i>	
Отрицание	
Религия	
<i>F4 - сосредоточение на эмоциях</i>	
Юмор	
Принятие	
Положительное переосмысление	0,389
Психическое отключение	
<i>Использование психоактивных веществ *</i>	
<i>Expl. var. (%)</i>	<i>11,8</i>

Запись. Нагрузки ниже 0,25 были отфильтрованы.

* Эта шкала не была связана ни с одним из факторов.

с) Перу

фактор / позиция	F1
<i>F1 - Решение проблем, ориентированное на проблему</i>	
Активный копинг	0,775
Планирование	0,773
Положительное переосмысление	0,385
<i>F2 - Социальная поддержка</i>	
Эмоциональная поддержка	
Инструментальная поддержка	
Психическое отключение	
Религия	
<i>F3 - Избегать совладания</i>	
Отрицание	
Вентиляция	
Винить себя	
Поведенческое отключение	
Использование психоактивных веществ	
<i>F4 - сосредоточение на эмоциях</i>	
Юмор	

Принятие *	0,436
<i>Expl. var. (%)</i>	13,4

Запись. Нагрузки ниже 0,25 были отфильтрованы.

** Эта шкала была отнесена к фактору эмоционально-ориентированного совладания, несмотря на то, что он в одинаковой степени ассоциировался с проблемно-ориентированным и избегающим копированием.*

Обсуждение

Мы использовали данные из России, Кыргызстана и Перу для изучения межкультурных различий в распространенности и факторной структуре стратегий выживания, измеренных с помощью русской и испанской адаптации опросника COPE. Для кросс-культурного сравнения использовались баллы по 15 шкалам COPE. Наши результаты предполагают, что межкультурные различия составляют не более 20% индивидуальных различий в реакциях совладания, при этом религиозное копирование, принятие и умственное отстранение имеют наибольшие различия в разных странах. Множественные реакции совладания были связаны с возрастом и полом участников, с общим эффектом менее 5%. Четыре широкие стратегии выживания - проблемно-ориентированная, эмоционально-ориентированная, социально-поддерживаемая и избегающая - были воспроизведены во всех трех странах. В то же время, некоторые модели совладания были классифицированы по разным категориям в разных странах; например, религиозное совладание было классифицировано как социально поддерживаемая стратегия в Перу и стратегия избегающего совладания в Кыргызстане. В России он не был отнесен к какой-либо стратегической категории.

Различия в поведении по преодолению трудностей внутри страны и между странами

Мы наблюдали полный спектр ответов по каждому пункту вопросника COPE, а также широкий разброс оценок COPE во всех трех странах. Разница между странами, в том числе гендерное взаимодействие между странами, объясняет до 18% вариативности оценок COPE, с более высоким объясненным процентом вариативности для религиозного совладания (17,7%), принятия (15,8%) и умственного отстранения (13,9%). Другое копинг-поведение почти не различается между странами, например планирование (0,5%), поиск эмоциональной и инструментальной поддержки (1,1% и 1,0% соответственно), подавление конкурирующих действий (1,1%) и позитивная реинтерпретация (1,3%).

Наиболее заметные межкультурные различия наблюдались в религиозном совладании, которое было наиболее распространено в Перу, менее распространено в Кыргызстане и наименее распространено в России. Мы предполагаем, что высокая распространенность религиозного совладания в Перу может быть объяснена тем фактом, что католицизм, который исповедует большинство населения Перу (Instituto Nacional de Estadística e Informática, 2017), представляет собой панацею от всех забот, и это обычная практика в Перу - молиться об избавлении от лишений и страданий. Напротив, религиозные обычаи православной церкви, доминирующей в России (Pew Research Center, 2017), и ислама, доминирующего в Кыргызстане (Центральное разведывательное управление, 2020), предполагают больше уважения и преданности духовным убеждениям и меньше просьб о поддержке. (Верт, 2011). Тем не менее, религиозное совладание - сложная конструкция, которая включает в себя множество мотиваций и моделей поведения (Abu-Raiya & Pargament, 2015); данные анкеты COPE не позволяют сделать более детальных выводов о характере наблюдаемых нами различий в религиозном совладании.

Были обнаружены заметные межкультурные различия в отношении совладания путем принятия и совладания путем умственного отстранения, оба из которых были выше в Перу, чем в России и Кыргызстане. В Перу принятие было наиболее часто используемой реакцией выживания: более 90% перуанских участников сообщили, что они приняли реальность изоляции и учились с ней жить. Принятие и отвлечение считались относительно эффективными стратегиями борьбы с неизбежными источниками стресса, такими как острая или хроническая боль и другие проблемы со здоровьем (Esteve et al., 2007; Kohl et al., 2013; Tamres et al., 2002).

Мы предполагаем, что критические тенденции в отношении инфицирования COVID-19 и уровня смертности вместе со строгой изоляцией вызвали всплеск принятия и отказа от участия в ответных мерах в Перу. К концу мая 2020 года, когда большая часть сбора данных была завершена во всех трех странах, в Перу было 148 285 подтвержденных случаев и 4230 случаев смерти от COVID-19 на 33 миллиона жителей (уровень летальности 2,9%). В России было 405 843 подтвержденных случая заболевания и 4693 случая смерти на 144,5 миллиона населения (коэффициент летальности 1,2%). В Кыргызстане было 1748 подтвержденных случаев заболевания и 16 случаев смерти на 6,3 миллиона населения (уровень летальности 0,9%) (Всемирная организация здравоохранения, 2020). Предыдущие исследования показали сильную отрицательную связь между преодолением самоотречения и воспринимаемым контролем (Cassaretto et al., 2003; Dijkstra & Noman, 2016).

За исключением религиозного совладания, принятия и ментального отчуждения, различия в реакциях совладания в разных странах составляют лишь небольшую часть общей вариативности совладания. Было проведено всего несколько исследований, в которых сравнивалась вариативность выживания внутри страны и между странами.

Гибсон и др. (1992) сравнили копинг-поведение, о котором сообщили подростки из 17 стран. Авторы признали, что подростки из разных стран сообщали о схожих проблемах и применяли похожие стратегии выживания. Наиболее распространенной реакцией совладания, независимо от страны или социально-экономической группы, было решение индивидуальных проблем, например, усердные попытки или планирование. Подростки из России, рассматриваемые в исследовании как отдельная группа по сравнению с подростками из других стран, сообщили о более высоких показателях того, что они старались изо всех сил в ответ на проблемы, с которыми они столкнулись. Исследование совладающего поведения во время COVID-19 у детей и подростков из Италии, Испании и Португалии показало, что его принятие является наиболее распространенной стратегией преодоления (Orgilés et al., 2020). Авторы также обнаружили межкультурные различия;

Четыре широкие стратегии выживания в России, Кыргызстане и Перу

В нашем исследовании были воспроизведены четыре широких аспекта совладающего поведения, которые появились в ранних исследованиях COPE (Litman, 2006 для обзора), а именно: проблемно-ориентированные, эмоционально-ориентированные стратегии социальной поддержки и избегания. Во всех трех странах активное выживание и планирование считались стратегиями, ориентированными на проблемы; принятие и юмор как стратегии, ориентированные на эмоции; эмоциональная и инструментальная поддержка как социально поддерживаемые стратегии; и отрицание как стратегия избегания. Факторная структура, которую мы наблюдали в российской выборке, близка к той, которую описал Литман (2006) на выборке из 230 студентов бакалавриата из США, которые оценили свои ответы на вопросы, используя COPE из 60 пунктов. В исследовании Литмана четыре фактора преодоления трудностей влияли на одни и те же оценки COPE, но объясняли большую их дисперсию (более 79%). Паттерны межфакторных корреляций также были воспроизведены в нашем исследовании: проблемно-ориентированные, эмоционально-ориентированные, и социально поддерживаемые стратегии совладания более похожи друг на друга, чем на избегающее копирование. Однако, в отличие от Литмана, мы наблюдали относительно высокую корреляцию между избегающим и социально поддерживаемым копингом, и этот коэффициент был одной из двух корреляций, достоверно воспроизводимых во всех трех странах нашего исследования. Мы предполагаем, что избегающее копинг может сыграть важную роль в ответной реакции на пандемию COVID-19 и домашнее заключение. Аналогичным образом Рассказова и др. (2013) предполагают, что, несмотря на то, что это считается неадаптивной стратегией совладания, избегающее копирование может иметь важное значение, когда стрессовая проблема не имеет практического решения. и этот коэффициент был одной из двух корреляций, надежно воспроизводимых во всех трех странах нашего исследования. Мы предполагаем, что избегающее копинг может сыграть важную роль в ответной реакции на пандемию COVID-19 и домашнее заключение. Аналогичным образом Рассказова и др. (2013) предполагают, что, несмотря на то, что это считается неадаптивной стратегией совладания, избегающее копирование может иметь важное значение, когда стрессовая проблема не имеет практического решения. и этот коэффициент был одной из двух корреляций, надежно воспроизводимых во всех трех странах нашего исследования. Мы предполагаем, что

избегающее копирование может сыграть важную роль в ответной реакции на пандемию COVID-19 и домашнее заключение. Аналогичным образом Рассказова и др. (2013) предполагают, что, несмотря на то, что это считается неадаптивной стратегией совладания, избегающее копирование может иметь важное значение, когда стрессовая проблема не имеет практического решения.

Две реакции совладания - религиозное совладание и умственное отстранение - были классифицированы по различным аспектам совладания во всех трех странах. Религиозное совладание не было связано с каким-либо фактором преодоления в России, но было связано с преодолением избегания в Кыргызстане и с социально поддерживаемым копированием в Перу. Психическое разделение ассоциировалось с избеганием совладания в России, но с эмоционально-ориентированным копированием в Кыргызстане и с социально поддерживаемым копированием в Перу. Этот результат, вместе с относительно большим межкультурным различием в этом копировании-поведении, предполагает, что некоторые копирование-поведения могут играть разные роли в системе реакции на стрессовые события. Это особенно актуально для религиозного выживания, которое может включать в себя множество стратегий: переоценка религии, поиск поддержки со стороны религиозного сообщества, эмоциональная регуляция через молитву или медитацию и / или поиск новой цели в жизни (Pargament et al., 2000). Анкета COPE отражает лишь небольшую часть изменчивости религиозного поведения, позволяющего справляться с трудностями.

Значение для дальнейшего исследования

Наше исследование было направлено на документирование, а не на объяснение различий в ответных действиях во время пандемии COVID-19. Природа и последствия выявленных в исследовании различий требуют дальнейшего изучения.

Например, культурную и социально-экономическую природу реакции совладания можно изучить в связи с оценкой риска COVID-19 (Huynh, 2020, Mertens et al., 2020), как и в последнем исследовании (Zacher & Rudolph, 2020, Orgilés et al., 2020), наше исследование показало высокую распространенность избегающего копирования в ответ на пандемию COVID-19. Избегающее совладание обычно считается неадаптивным с точки зрения субъективного благополучия (Benson, 2010; Bonneville-Roussy et al., 2017; Dijkstra & Homan, 2016; Klostermann et al., 2011; Litman, 2006; Penley et al., 2002). ; Woodhead et al., 2014). Необходимы дальнейшие исследования, чтобы прояснить роль и функцию избегающей реакции совладания в контексте глобальной пандемии и связанного с ней домашнего заключения.

Наше исследование предоставило доказательства гендерных различий в реакциях совладания. Участники женского пола сообщили о более высокой степени юмора и самообвинения, а участники мужского пола сообщили о более высокой степени отрицания, религии, высказывания, эмоциональной и инструментальной поддержки. Характер гендерных различий варьировался в разных странах для некоторых способов преодоления трудностей; например, участники женского пола из Перу сообщили о более высоком признании, чем участники мужского пола, но не было обнаружено гендерных различий в России и Кыргызстане. Гендерные различия в целом составляли небольшой процент индивидуальных различий в реакциях совладания.

Тем не менее, мы считаем, что гендерные различия в реакциях совладания важны для дальнейшего исследования. Согласно метаанализу, женщины обычно более активно справляются с ситуацией из-за более высокой оценки стресса (Tamres et al., 2002). Качественное исследование Heltberg et al. (2013) показали, что во время глобального кризиса женщины несут дополнительное бремя неоплачиваемой работы по дому и работают в более тяжелых условиях. В свою очередь, Хуанг и др. (2020) сообщили, что во время пандемии COVID-19 в Китае женщины испытали более серьезное беспокойство и страх, чем мужчины.

Заключение

Наше исследование показывает, что в целом участники из трех разных стран - России, Кыргызстана и Перу - сообщают о широком спектре способов совладания с ситуацией в ответ на пандемию COVID-19 и домашнее заключение. Различия между странами наиболее ярко проявляются в религиозном выживании, принятии и умственной отстраненности, все из которых являются самыми высокими в Перу.

Реагирование на преодоление трудностей объединяется в четыре широких измерения: ориентированный на проблему, социально поддерживаемый, эмоционально-ориентированный

и избегающий совладания. В то время как основные модели поведения копируются в разных странах, другие могут иметь разные аспекты в разных странах. Во всех трех странах религиозное совладание и умственное отчуждение были классифицированы по разным аспектам. Мы объясняем различия в распространенности копинг-поведения и их факторной структуры культурными особенностями (*например*., доминирующая религия и религиозные обычаи), а также конкретные условия эпидемии COVID-19 и изоляции в стране. Наши результаты способствуют сбору информации об индивидуальных ответах на пандемию COVID-19 во всем мире и, мы надеемся, помогут поиску универсальных и ориентированных на культуру ресурсов для борьбы с последствиями пандемии.

Ограничения

Возможность обобщения наших результатов ограничена тем фактом, что большинство наших участников во всех трех странах были студентами университетов. Вполне возможно, что возникновение описываемого копинг-поведения связано с конкретными аспектами пандемии COVID-19, которым подверглись студенты, такими как трудности с обучением в Интернете. По той же причине поведение, связанное с преодолением стрессорных факторов, осуществляющих уход, может быть недостаточно представленным.

Наше исследование основывалось на самоотчетах о совладающем поведении и, следовательно, могло быть предметом предвзятости социальной желательности, особенно реакции на употребление психоактивных веществ и религиозное совладание. Другая возможная проблема заключается в том, что в выборках из России и Кыргызстана мы использовали сокращенную версию анкеты COPE, которая никогда ранее не использовалась. Индексы надежности сокращенных шкал COPE в подвыборках из России и Кыргызстана были сопоставимы с показателями, достигнутыми в Перу с использованием Испанской краткой шкалы COPE, и были аналогичны надежности, указанной в большом метаанализе (Kato et al., 2015). Мы также предполагаем, что сходство в широких измерениях копинга, полученное в России, Кыргызстане и Перу, подтверждает мнение о том, что аналогичные конструкции были измерены во всех трех подвыборках.

Благодарности

Работа поддержана Российским фондом фундаментальных исследований (проект № 20-04-60394).

Рекомендации

Абу-Райя, Х. и Паргамент, К.И. (2015). Религиозное совладание между различными религиями: общности и расхождения. *Психология религии и духовности*, 7 (1), 24–33. <https://doi.org/10.1037/a0037652>

Баумстарк, К., Алессандрини, М., Хамиду, З., Окье, П., Лерой, Т., и Бойер, Л. (2017). Оценка выживания: новая французская четырехфакторная структура краткой инвентаризации COPE. *Здоровье и качество жизни*, 15 (1), 8. <https://doi.org/10.1186/s12955-016-0581-9>

Бенсон, Р. (2010). Справедливость, стресс и благополучие у матерей детей с аутизмом. *Исследования расстройств аутистического спектра*, 4 (2), 217–228. <https://doi.org/10.1016/j.rasd.2009.09.008>

Биггс А., Броу П. и Драммонд С. (2017). Теория психологического стресса и совладания с психологом Лазаря и Фолкмана. В CL Cooper & JC Quick (Eds.), *Справочник по стрессу и здоровью* (стр. 349–364). John Wiley & Sons, Ltd. <https://doi.org/10.1002/9781118993811.ch21>

Бонневиль-Русси, А., Эванс, П., Вернер-Филион, Дж., Валлеран, Р.Дж., и Буффар, Т. (2017). Мотивация и преодоление стресса оценки: гендерные различия в результатах для студентов университетов. *Современная педагогическая психология*, 48, 28–42. <https://doi.org/10.1016/j.cedpsych.2016.08.003>

Бразилейро, С.В., Орсини, М.Р.С., Кавальканте, Дж. А., Бартоломеу, Д., Монтель, Дж. М., Коста, Р. С. (2016). Споры о психометрических свойствах краткого COPE: пример бразильско-португальской версии COPE Breve. *PLOS ONE*, 11 (3), e0152233. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0152233>

Брукс, С. К., Вебстер, Р. К., Смит, Л. Е., Вудленд, Л., Уэссели, С., Гринберг, Н., и Рубин, Г. Дж. (2020). Психологическое воздействие карантина и способы его снижения: быстрый обзор доказательств. *Ланцет*, 395 (10227), 912–920. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30460-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30460-8)

Карвер, С. (1997). Вы хотите измерить копинг, но ваш протокол слишком длинный: рассмотрите краткий COPE. *Международный журнал поведенческой медицины*, 4 (1), 92–100. https://doi.org/10.1207/s15327558ijbm0401_6

Карвер, К.С., Шайер, М.Ф., и Вайнтрауб, Дж. К. (1989). Оценка стратегий выживания: теоретически обоснованный подход. *Журнал личности и социальной психологии*, 56 (2), 267–283. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.56.2.267>

Кассаретто, М., Чау, К., Облитас, Х., и Вальдес, Н. (2003). Estres y afrontamiento en estudiantes de psicología [Стресс и совладание у студентов-психологов]. *Revista de Psicología [Психологический журнал]*, 21 (2), 363–392.

Чай, Р.Р., Krägeloh, С., Shepherd, Д., & Billington, Р. (2012). Стресс и качество жизни иностранных и местных студентов университетов: культурные различия в использовании религиозного совладания. *Психическое здоровье, религия и культура*, 15 (3), 265–277. <https://doi.org/10.1080/13674676.2011.571665>

Центральное Разведывательное Управление. (2020). *Средняя Азия: Кыргызстан*. Получено из: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/kg.html>.

Дейкстра, М.Т., и Хоман, А.С. (2016). Участвовать в стрессе, а не отказываться от него: эффективное преодоление и воспринимаемый контроль. *Границы в психологии*, 7. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.01415>

Дорон, Дж., Труйе, Р., Гана, К., Бойше, Дж., Неве, Д., и Нино, Г. (2014). Исследование иерархической структуры краткого COPE на французской выборке: эмпирические и теоретические конвергенции. *Журнал оценки личности*, 96 (5), 567–575. <https://doi.org/10.1080/00223891.2014.886255>

Эстев, Р., Рамирес-Маэстре, К., и Лопес-Мартинес, А.Е. (2007). Приспособление к хронической боли: роль восприятия боли, стратегии преодоления и познания, связанного с болью. *Анналы поведенческой медицины*, 33 (2), 179–188. <https://doi.org/10.1007/BF02879899>

Фарли Т., Гальвес А., Дикинсон Л. М. и Перес М. де Дж. Д. (2005). Стресс, преодоление и здоровье: сравнение мексиканских иммигрантов, мексиканских американцев и неиспаноязычных белых. *Журнал здоровья иммигрантов*, 7 (3), 213–220. <https://doi.org/10.1007/s10903-005-3678-5>

Гибсон, Дж. Т., Бейкер, К. Е., Шоултер, С. М., Аль-Сарраф, К., Атакан, С. А., Борген, В. А.... Талызина, Н. Ф. (1992). Гендер и культура: сообщенные проблемы, стратегии выживания и избранные помощники подростков мужского и женского пола в 17 странах. *Международный журнал по развитию консультирования*, 15 (3), 137–149. <https://doi.org/10.1007/BF00116485>

Гутьеррес, Ф., Пери, Дж. М., Торрес, Х., Касерас, Х., и Вальдес, М. (2007). Три измерения совладания и взгляд на их эволюционное происхождение. *Журнал исследований личности*, 41 (5), 1032–1053. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2007.01.006>

Хельтберг, Р., Хоссейн, Н., Рева, А., и Тюрк, К. (2013). Преодоление и устойчивость во время продовольственного, топливного и финансового кризисов. *Журнал исследований развития*, 49 (5), 705–718. <https://doi.org/10.1080/00220388.2012.746668>

Хуанг, Л., Сюй, Ф.М., и Лю, Н.Р. (2020). Эмоциональные реакции и стратегии выживания медсестер и студентов медсестер во время вспышки COVID-19 [Препринт]. Общественное и глобальное здравоохранение. <https://doi.org/10.1101/2020.03.05.20031898>

Хьюнь, Т.Л.Д. (2020). Восприятие риска COVID-19: исследование социально-экономических проблем и внимания СМИ. *Бюллетень экономики*, 40 (1), 758–764.

Instituto Nacional de Estadística e Informática. (2017). *Перу: Perfil Sociodemografico [Перу: социально-демографический профиль]*. Instituto Nacional de Estadística e Informática. Получено с: https://www.inei.gob.pe/media/MenuRecursivo/publicaciones_digitales/Est/Lib1539/

Като, Т. (2015). Часто используемые копирующие веса: метаанализ: часто используемые копирующие веса. *Стресс и здоровье*, 31 (4), 315–323. <https://doi.org/10.1002/smi.2557>

Ким, Х.С., Шерман, Д.К. и Тейлор, С.Е. (2008). Культура и социальная поддержка. *Американский психолог*, 63 (6), 518–526. <https://doi.org/10.1037/0003-066X>

Клостерманн, К., Чен, Р., Келли, М.Л., Шредер, В.М., Брайтман, А.Л., и Миньоне, Т. (2011). Справляющееся поведение и депрессивные симптомы у взрослых детей алкоголиков. *Использование и злоупотребление психоактивными веществами*, 46 (9), 1162–1168. <https://doi.org/10.3109/10826080903452546>

- Коль, А., Риф, В., и Гломбевски, Дж. А. (2013). Принятие, когнитивная реструктуризация и отвлечение как стратегии преодоления острой боли. *Журнал боли*, 14 (3), 305–315. <https://doi.org/10.1016/j.jpain.2012.12.005>
- Krægeloh, CU (2011). Систематический обзор исследований с использованием краткого COPE: религиозное совладание в факторном анализе. *Религии*, 2 (3), 216–246. <https://doi.org/10.3390/rel2030216>
- Лазарус Р., Фолкман С. (1984). *Стресс, оценка и преодоление трудностей*. Издательская компания Springer.
- Литман, Я. (2006). Инвентаризация COPE: размерность и отношения с мотивами приближения и избегания, а также положительные и отрицательные черты. *Личность и индивидуальные различия*, 41 (2), 273–284. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2005.11.032>
- Мертенс, Г., Герритсен, Л., Дуйндам, С., Салеминк, Э., и Энгельхард, И.М. (2020). Страх перед коронавирусом (COVID-19): предсказатели в онлайн-исследовании, проведенном в марте 2020 года. *Journal of Anxiety Disorders*, 74, 102258. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2020.102258>
- Моран, К., Ландеро Эрнандес, Р., и Гонсалес Рамирес, М. Т. (2010). COPE-28: Психометрический анализ испанской версии краткого COPE [COPE-28: Психометрический анализ испанской версии краткого COPE]. *Universitas Psychologica*, 9 (2), 543–552. <https://doi.org/10.11144/Javeriana.upsy9-2.capy>
- Никульчев, Е.В., Ильин, Д.Ю., Колясников, П.В., Белов, В.А., Рунтов, А.И., Пушкин, П.Ю.,... Малых, С.Б. (2020). Цифровая платформа DigitalPsyTools для массовых веб-опросов в системе образования. *Облако науки*, 7 (2). Получено с: https://www.researchgate.net/publication/340491972_Cifrovaa_platforma_DigitalPsyTools_dla_massovyh_v...
- Никульчев Е.В., Ильин Д.Ю., Колясников П.В., Исмагуллина В.И., Захаров И.М., Малых С.Б. (2019). Разработка открытой цифровой платформы массовых психологических исследований. *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований*, 4 (104). <https://doi.org/10.22204/2410-4639-2019-104-04-105-119>
- Оргилес, М., Моралес, А., Дельвеккио, Э., Франциско, Р., Маццески, К., Педро, М., и Эспада, JP (2020). Как справиться с поведением и психологическими расстройствами среди молодежи, пострадавшей от кризиса здоровья, вызванного COVID-19 [Препринт]. PsyArXiv. <https://doi.org/10.31234/osf.io/2gnxb>
- Паргамент, К.И., Кениг, Х.Г., и Перес, Л.М. (2000). Множество методов религиозного совладания: разработка и первоначальная проверка RCOPE. *Журнал клинической психологии*, 56 (4), 519–543. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1097-4679\(200004\)56:4<519:AID-JCLP6>3.0.CO;2-1](https://doi.org/10.1002/(SICI)1097-4679(200004)56:4<519:AID-JCLP6>3.0.CO;2-1)
- Пенли, Дж. А., Томака, Дж., И Вибе, Дж. С. (2002). Ассоциация преодоления последствий физического и психологического здоровья: метааналитический обзор. *Журнал поведенческой медицины*, 25 (6), 551–603. <https://doi.org/10.1023/A:1020641400589>
- Pew Research Center. (2017, 10 мая). Религиозные убеждения и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе. Проект «Религия и общественная жизнь» исследовательского центра Pew Research Center. Источник: <https://www.pewforum.org/2017/05/10/religious-belief-and-national-belonging-in-central-and-eastern-e...>
- Рассказова Е.И., Гордеева Т.Ю., Осин Е.Н. (2013). Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: Психометрические характеристики и возможности применения методов COPE. *Психология. Журнал Высшей Школы Экономики. Журнал Высшей школы экономики*, 10 (1), статья 1.
- Sica, C., Novara, C., Dorz, S., & Sanavio, E. (1997). Стратегии преодоления: свидетельства межкультурных различий? Предварительное исследование итальянской версии ориентации на преодоление пережитых проблем (COPE). *Личность и индивидуальные различия*, 23 (6), 1025–1029. [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(97\)00112-8](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(97)00112-8)
- Тамрес, Л.К., Яницки, Д., и Хельгесон, В.С. (2002). Половые различия в совладающем поведении: метааналитический обзор и исследование относительного совладания. *Обзор личности и социальной психологии*, 6 (1), 2–30. https://doi.org/10.1207/S15327957PSPR0601_1

Верт, П. В. (2011). Жили Православие и конфессиональное разнообразие: последнее десятилетие религии в современной России. *Критика: Исследования в истории России и Евразии*, 12 (4), 849–865. <https://doi.org/10.1353/kri.2011.0044>

Всемирная организация здравоохранения. (2020). *Отчеты о ситуации с коронавирусной болезнью (COVID-19)*. Источник: <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/situation-reports>.

Вудхед, Э.Л., Кронкайт, Р.С., Моос, Р.Х. и Тимко, К. (2014). Стратегии преодоления, прогнозирующие неблагоприятные результаты среди взрослых в сообществе: стратегии преодоления и неблагоприятные исходы. *Журнал клинической психологии*, 70 (12), 1183–1195. <https://doi.org/10.1002/jclp.21924>

Xie, X., Xue, Q., Zhou, Y., Zhu, K., Liu, Q., Zhang, J., & Song, R. (2020). Состояние психического здоровья детей, содержащихся в домашних условиях, во время вспышки коронавируса в 2019 в провинции Хубэй, Китай. *JAMA Pediatrics*. <https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2020.1619>

Захер, Х., и Рудольф, СW (2020). Индивидуальные различия и изменения в субъективном самочувствии на ранних этапах пандемии COVID-19. *Американский психолог*. <https://doi.org/10.1037/amp0000702>